

РУССКАЯ СПЕЦСЛУЖБА – ИСКУССТВО НЕВОЗМОЖНОГО

С е р г е й Д о н с к о й

**ШПИОН,
КОТОРЫЙ ЕЕ УБИЛ**

Капитан ФСБ Евгений Бондарь

Сергей Донской

Шпион, который ее убил

«Автор»

2005

Донской С. Г.

Шпион, который ее убил / С. Г. Донской — «Автор»,
2005 — (Капитан ФСБ Евгений Бондарь)

Миллиардерша Морталюк нашла себе нового телохранителя. И, как ей казалось, не прогадала. Ведь он профи, бывший капитан ФСБ Бондарь. Только все же зря она взяла его на работу. Бондарю трудно будет мириться с деятельностью безжалостной бизнес-леди. Тут даже бывалому оперативнику службы безопасности становится не по себе. Мадам Морталюк похищает молоденьких девушек и прячет их на засекреченной базе, расположенной на заснеженных горных склонах Северного Кавказа. Что она с ними делает, не ясно, но пока ни одна не вернулась живой. Значит, теперь Бондарю придется разбираться с головорезами коварной преступницы. Как всегда, в одиночку. Как и привык работать Бондарь...

© Донской С. Г., 2005

© Автор, 2005

Содержание

Глава 1,	5
Глава 2,	12
Глава 3,	17
Глава 4,	22
Глава 5,	28
Глава 6,	36
Глава 7,	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сергей Донской

Шпион, который ее убил

Посвящается Любви, без которой ничего бы не было...

Глава 1, *несколько опережающая события вместе с главным героем, спешащим неизвестно куда, неизвестно зачем*

При каждом выдохе в темноте появлялось радужное облачко пара. Цветом оно напоминало бензин, расплывающийся в черной луже.

Бондарь, одетый как заправский горнолыжник, осторожно положил на снег свое снаряжение. К сожалению, это было не оружие. Снаряжение состояло всего лишь из пары лыж и двух лыжных палок.

«Палки как палки, – решил он, пробуя одну из них на прочность. – Я не ас слалома, чтобы определить, чем они хуже или лучше других. А как насчет лыж? – Бондарь критически прищурился. – Похоже на универсальную конструкцию, с классическим боковым вырезом и стандартной заточкой. Гибкие, не слишком короткие, но и не слишком длинные, достаточно широкие, чтобы не вязнуть на целине. В общем, подходящие лыжи, – сказал себе Бондарь. – Главное, чтобы я сам не подкачал».

Подумав так, он с сомнением покачал головой и хмыкнул, догадываясь, сколько опасностей и неожиданностей подстерегает его на крутом склоне горы Фишт. Это был последний западный бастион Главного Кавказского хребта. Высота грандиозной базальтовой пирамиды лишь самую малость не дотягивала до трех километров. Несмотря на то что Бондарь находился не на самой вершине горы, а на ее склоне, испытание ему предстояло серьезное. Условия были, что называется, экстремальные.

Отсутствие настоящего опыта и мастерства беспокоило Бондаря даже сильнее, чем погоня, которая неминуемо начнется, как только его отсутствие будет замечено. Сумеет ли он тягаться со всеми этими молодыми, ладными, спортивными парнями, которые числятся здесь инструкторами и явно знают толк в скоростном прохождении трассы?

Ладно, время покажет, флегматично рассудил Бондарь. Оно, время, пока что работало на него.

Была ночь. Глухая, темная, морозная. Фантастически красивая.

Полная, чуть сплюснутая луна серебрилась в сияющем ореоле. Ювелирно ограненные звезды казались неправдоподобно крупными и яркими. Снежная гладь сверкала и переливалась, словно щедро посыпанная алмазной пылью. Но любоваться этим почти космическим пейзажем было некогда.

Опустившись на колено, Бондарь занялся лыжами. Он воткнул ботинок в паз держателя, закрепил каблук, отрегулировал жесткость крепления. Встал, наклонился, прихватил защелками второй ботинок. Оставалось затянуть ремни безопасности, которые удержат лыжи, если крепления расстегнутся при падении. Это оказалось непростой задачей, поскольку мороз стоял нешуточный. Озябшие пальцы Бондаря делались все более одеревенелыми и непослушными. Полторы минуты ушло на то, чтобы продеть кончик ремешка в пряжку. То же самое повторилось со вторым ботинком. Когда Бондарь выпрямился, его скрюченные пальцы едва протиснулись в перчатки.

«Жаль, что нельзя скатиться уже известным маршрутом», – подумал он, поудобнее обхватывая палки. Но внизу находились сторожевые посты, и, только обманув их, Бондарь мог надеяться добраться до равнины целым и невредимым. Если, конечно, не переломает кости при спуске.

Короче говоря, или грудь в крестах, или голова в кустах.

– Ну, поехали, – прошептал Бондарь.

Он опустил очки и, резко оттолкнувшись, покатился по склону, постепенно забирая вправо, чтобы уйти подальше от накатанных лыжней.

С одной стороны, отчетливый одинокий след на рыхлом снегу выдаст преследователям направление его маршрута, но, с другой стороны, незнакомый ландшафт не позволит им развить ту скорость, которую они демонстрируют на изъезженной вдоль и поперек трассе. Это в какой-то мере уравнивало шансы преследователей и беглеца. Ведь Бондарь не был профессиональным горнолыжником. Слалом по пересеченной местности обещал стать для него одним из самых сложных и опасных испытаний, когда-либо выпадавших на его долю. При таких условиях даже имеющаяся фора не обеспечивала ему победу. За приз под названием Жизнь предстояло хорошенько побороться.

Держа палки в свободно вытянутых руках, Бондарь скользил вниз, следя за тем, чтобы лыжи не соприкасались и не расходились слишком далеко. Между его коленями постоянно сохранялся небольшой зазор, а ботинки отстояли друг от друга «на волосок меньше ширины плеч», как рекомендовал инструктор.

Несмотря на то что пока все шло гладко, на первом же по-настоящему крутом спуске Бондарь с трудом удержался на ногах. Внутренний голос потребовал принять низкую стойку, чтобы смягчить возможное падение. Знакомый всем импульс: в случае опасности втяни голову в плечи, съежись, прижмись к земле...

Как бы не так!

Отключив рациональное мышление, Бондарь лишь слегка пригнулся и распрямлялся вновь, заставляя себя сохранять преимущественно высокую стойку. Она избавляла его мышцы от перенапряжения, приводящего к боли и судорогам в области бедер. Любой, кто прислонится спиной к стене, приняв такую позу, как будто он сидит на воображаемом стуле, может почувствовать на себе, каково долго находиться на согнутых ногах. Кроме того, прямая стойка обеспечивала Бондарю наибольшую устойчивость и позволяла быстрее реагировать на постоянные изменения рельефа.

Пока что он реагировал своевременно.

Стекла очков окрашивали ландшафт в зеленоватый оттенок, отчего мерещилось, будто дело происходит под водой, где-нибудь на дне морском. Далекие ели казались темными островками водорослей, разбросанными по светлому песчаному ложу. Однако было слишком холодно, чтобы поверить этой экзотической иллюзии. И под лыжами определенно поскрипывал снег, а не коралловый песок.

Вжик... вжик...

Справа промелькнули контуры недавно возведенной станции канатной дороги. Причудливый светящийся купол смахивал на глубоководный батискаф. Засмотревшись на крохотную человеческую фигурку, прильнувшую к стеклу, Бондарь едва не налетел на груды строительного мусора, прикрытую снежной шапкой.

Горнолыжный комплекс «Лунная Поляна» еще не был сдан в эксплуатацию, однако был почти готов принимать туристов. Уже функционировали три канатно-буксировочные дороги, две канатно-кресельные и одна маятниковая, мимо которой проехал Бондарь.

Последняя подвесная дорога представляла собой грандиозное сооружение на сейсмостойких опорах. По сверхпрочным тросам ходили два открытых вагона, вмещающие по сорок человек каждый. Когда один опускался вниз, второй с такой же скоростью возвращался к стан-

ции. Маятниковая канатная дорога позволяла подняться на высоту 2266 метров за восемь минут, но в экстренном режиме работала в полтора раза быстрее.

Таким образом, человек, находившийся на станции, теоретически мог очутиться у подножия горы Фишт раньше, чем Бондарь. Вагон развивал скорость до четырехсот метров в минуту. Бондарь полагал, что делает около сорока километров в час, однако сразу за станцией был вынужден беспрестанно притормаживать или выписывать зигзаги, обходя камни, пни и заснеженные стволы сосен. Просека, выбранная им, не была приспособлена для скоростного спуска, но изменить маршрут не представлялось возможным.

И все же пушистый снежный покров придавал Бондарю уверенности. Слегка меняя наклон, пружиня обеими ногами и переноса вес тела с одной стопы на другую, он приноровился миновать препятствия. При резких поворотах из-под лыж вылетали фонтаны снега, искрящегося в лунном свете. Пьянящее ощущение скорости притупляло инстинкт самосохранения. Ведь Бондарь был первопроходцем, покоряющим еще никем не освоенный после обильного снегопада склон. Он испытывал непередаваемый восторг, скользя черной точкой по гигантскому белоснежному листу.

Прочерченная Бондарем линия была извилистой и четкой. Линия жизни. Линия, готовая оборваться в любой момент.

Его стремительная тень выглядела контрастной, как при магниевой вспышке. Луна сияла ярче осветительной ракеты. Серебристые нити канатной дороги убежали далеко вперед, сливаясь с ажурными опорами.

Но что это?

Услышав, как запели, зачирикали тросы над головой, Бондарь чертыхнулся. Это пришли в движение подвесные вагоны. Бондарь не видел того, который приближался сзади, зато имел возможность отлично рассмотреть вагон, поднимающийся к вершине. Выкрашенный в цвет яичного желтка, он был обтекаем, как субмарина или дирижабль.

А что, если охранники не гонятся за беглецом? Что, если они спешат ему навстречу, отрезая путь вниз?

Эта мысль ошеломила Бондаря. Так и есть. Охота началась. Можно было не сомневаться, что охранник, заметивший подозрительного лыжника в районе станции, дал общую тревогу. В таком случае по следу Бондаря были пущены загонщики, а стрелки находились сейчас в таком нарядном, в таком безобидном на вид вагоне.

В том самом, который неумолимо приближался снизу!

* * *

«Желтая субмарина» постепенно увеличивалась в размерах. Забирая вправо, Бондарь начал уходить из-под канатов. Они уже не пели, а ныли, срываясь на злобный визг. Неожиданно раздался звук совсем иного рода: резкий, громкий, раскатистый: «Шара-ах-хх!»

Выше по склону взметнулся грязно-белый гейзер, окутанный вихрящейся снежной пылью. Следующий взрыв прозвучал прямо по курсу, вынудив Бондаря не только затормозить, но и припасть на колено.

Находившиеся в проплывающем мимо вагоне лупили из подствольного гранатомета, лупили умело и расчетливо, почему-то не пуская в ход сам автомат. Причина этого стала понятна, когда очередная взрывная волна подхватила Бондаря и завертела его колесом вместе с тархтящими палками и лыжами. Его не собирались убивать. Выстрелы из гранатомета направлялись таким образом, чтобы сбить его с ног. Подтверждением тому стала пауза, наступившая после того, как цель была достигнута.

«Желтая субмарина» остановилась, зависнув за спиной барахтающегося в снегу Бондаря. Он сорвал треснувшие очки и отшвырнул их в сторону. Не до карнавала.

Голова гудела, как колокол. Бондарь помотал ею и сплюнул. Слюна оказалась красной, словно на снег капнули вишневым вареньем. Только во рту у Бондаря было не сладко, а солоно. Кувыркаясь, он прокусил щеку, хотя руки-ноги были, кажется, целы. Лыжи – тоже. Стянув перчатки, Бондарь занялся расстегнувшимся креплением.

– Эй, не вздумай, – предупредил его человек, высунувшийся из вагона. – Ты у меня на мушке.

– А ты у меня на х...ю, – бросил Бондарь через плечо.

Гранатометчик в фуникулере занервничал.

– Гляди, ты у меня допросишься! – предупредил он.

– Да пошел ты...

Раскачивающийся вагон походил издали на нелепую елочную игрушку, но пренебрежение Бондаря было вызвано не этим. Поскольку его сразу не уничтожили на месте, то любые угрозы сделать это чуть позже являлись самым обыкновенным блефом. Он был нужен противникам живым, а не мертвым. Это предоставляло Бондарю свободу действий. Относительную, как все в изменчивом подлунном мире.

Проверяя свою догадку, он встал, повернувшись к вагону спиной. Оттуда немедленно вылетела граната, взорвавшаяся в опасной близости от Бондаря, но все-таки не причинившая ему ни малейшего вреда. Судорожно зевнув, чтобы избавиться от пробок в ушах, он оттолкнулся палками и ринулся прочь.

Уповать на вмешательство небес, Министерства чрезвычайных ситуаций или доблестных сотрудников милиции не стоило. Если жители поселка Солохаул и слышали взрывы, то принимали их за праздничный фейерверк, устроенный в честь Рождества. Нынче ведь наступило двадцать пятое декабря, а всяческих католиков в православной России развелось выше крыши. И Рождество отмечают, и Хэллоуин, и чуть ли не американский День независимости. Если не пирсинг с дансингом, то шопинг с допингом. Сплошные праздники, хоть стой, хоть падай. Всеобщее похмелье на чужом пиру.

Бах... Бабах... Ба-ба-бабах...

Раскаленные осколки остервенело шипели, плавя снег. Все-таки это была довольно опасная пиротехническая забава. Особенно учитывая то, что после недавнего снегопада взрывы запросто могли вызвать сход лавины.

Покинув опасную зону, Бондарь покатился дальше, стремительно удаляясь от канатной дороги. Просека вынесла его на открытое пространство. Здесь уклон сделался более пологим, но это никак не сказалось на скорости, поскольку отпала необходимость лавировать между препятствиями. Лодыжки и икры ног, на славу потрудившиеся при бесчисленных поворотах, получили небольшую передышку. Все, что требовалось от Бондаря, это сохранять равновесие при спуске. Инерция сама влекла его вниз...

Влекла прямо на редкую цепь человеческих фигур, возникшую впереди!

В сравнении с величественными масштабами горного массива они смотрелись безобидными черными камешками на белом покрывале, однако это было обманчивое впечатление. Их было пятеро, все они стояли на лыжах и, как показалось Бондарю, были вооружены короткоствольными автоматами. Подтверждением этому стали пляшущие огоньки и пунктиры трассирующих пуль, прострочивших темноту снизу доверху.

Набрав полные легкие воздуха, Бондарь продолжал мчаться прямо на лыжников, решив, что вилять и юлить – проку нет. Если отдан приказ вести огонь на поражение, то его прикончат в любом случае. Уворачиваться от очередей из пяти стволов бессмысленно. Никакие зигзаги и виражи не помешают стрелкам попасть в приближающуюся мишень.

Тем не менее они продолжали тратить патроны впустую. Алые прочерки пуль выполняли ту же самую функцию, что и бездарно израсходованные гранаты.

Бондаря пытались остановить. Он был нужен врагу живым и только живым. Его боялись даже слегка зацепить, не то что срезать автоматной очередью.

Такой щепетильностью было грех не воспользоваться, и Бондарь не упустил предоставленного ему шанса. Издав боевой клич, он пошел на прорыв.

* * *

В каждой цепи есть свое слабое звено. Шеренга автоматчиков, перекрывших спуск к подножию горы Фишт, не являлась исключением из правила.

Третьим справа стоял высокий, плечистый парень лет двадцати четырех, отлично экипированный, физически крепкий, морально устойчивый, тренированный, плечистый, лишенный каких-либо существенных пороков. Мастер спорта по биатлону, соответственно отличный лыжник и стрелок, он не видел особых проблем в том, чтобы остановить человека, удирающего с главной базы.

Когда парня и его товарищей подняли по тревоге, они еще только готовились ко сну, обмениваясь грубоватыми шутками, принятыми в их сплоченном мужском коллективе. Была рождественская ночь, и они засиделись за праздничным столом. Опустошили на пятерых бутылку шампанского, посмотрели телевизор, перекинулись в картишки. Операция по задержанию беглеца показалась им отличным поводом проветриться. Почему бы не подышать свежим воздухом перед сном?

Действительно, почему бы нет? И парень дышал, машинально трогая языком волокна курятины, застрявшие в зубах после праздничного пиршества. А потом с наслаждением жал на спусковой крючок, следя за красочными хитросплетениями трассирующих пунктиров. Он стрелял и ждал, когда же этот идиот, несущийся навстречу, додумается упасть на снег и поднять лапки кверху. Наверное, совсем голову потерял от страха, размышлял парень. Немудрено. Под перекрестным огнем любой в штаны наложит.

Первые признаки беспокойства он ощутил, когда обнаружил, что чокнутый лыжник почему-то мчится на него, а не на товарищей. Парню это не понравилось. Ситуация изменилась. Нужно было срочно менять тактику. Жаль, что нельзя всадить в беглеца пулю, подумал он. Как же быть? Пропустить его и пуститься следом? Или попытаться сбить его с ног, когда тот будет проноситься мимо?

Это была хорошая и, главное, своевременная мысль.

– Держи его! – крикнули парню сразу с двух сторон.

– Сам знаю.

Парень прищурился и напружинился. По его расчетам, беглец должен был проехать мимо на расстоянии одного или двух метров. Как его фамилия? Ага, Бондарь, чуть ли не Джеймс Бонд, надо же! Н-да, отчаянный тип, этого у него не отнять. Готов чуть ли не на таран идти, спасая свою шкуру. Что ж, пришло время охладить его пыл.

Парень оставил автомат в покое и слегка присел, намереваясь сшибить Бондаря в прыжке. Тот заметил его приготовления и даже начал притормаживать, словно опасаясь неминуемого столкновения, однако, как выяснилось в следующую секунду, это было ошибочное впечатление.

Занесенная лыжная палка – вот и все, что успел заметить парень, прежде чем острая боль пронзила его глазное яблоко. Вцепившись обеими руками в древко импровизированного копья, он рухнул на колени, оглашая округу таким диким воем, которому позавидовали бы и волки.

Дальнейшего развития событий он, разумеется, не видел, поскольку надолго потерял способность адекватно воспринимать действительность. А продолжение было весьма и весьма впечатляющим.

Всадив острие правой лыжной палки в глазницу противника, Бондарь тут же избавился от левой и стал наращивать скорость, прижав освободившиеся руки к бедрам.

Командир маленького отряда выхватил мобильный телефон и заорал:

– За ним! Этот гребаный шпион не должен добраться до поселка!

Трое лыжников синхронно выполнили поворот прыжком, эффектно крутнувшись в воздухе на сто восемьдесят градусов. Не сводя мстительных взглядов с согнутой спины беглеца, они ринулись в погоню, позволив короткоствольным автоматам свободно болтаться на ремнях. Приказа убивать у них по-прежнему не было, но кулаки каждого из преследователей чесались все сильнее. Дай им волю, они бы прикончили Бондаря голыми руками.

Думали ли они о том, что эта ненависть взаимна?

* * *

Пять минус один получается четыре. Не слишком обнадеживающая арифметика, хотя для начала неплохо.

Взвешивая свои шансы, Бондарь продолжал мчаться по исполинскому снежному откосу. Его лыжи отзывались радостным визгом на малейший поворот, но сам он лишь покрепче стискивал зубы. Не слишком приятно находиться в роли зайца, улепетывающего от своры гончих. Тем более что прыти и целеустремленности им было не занимать.

Трое лыжников неслись за Бондарем, как привязанные. Казалось, между ними протянут невидимый трос, не позволяющий беглецу оторваться от погони. Лыжники шутя повторяли маневры Бондаря, постепенно беря его в клещи. Неужели они своего добьются?

Скорость становилась критической. Встречный ветер сдирает кожу с подмороженных щек, высекает из глаз искры слез, леденит нутро. Снизу на Бондаря летел густой ельник, продраться сквозь который нечего было и мечтать. Приняв левее, он едва не вскрикнул от неожиданности.

Вот те раз! Прямо по курсу тянулась непреодолимая ограда из металлической сетки. Ниже пролегалo расчищенное от заносов шоссе, окаймленное высокими снежными валами. По нему двигалась колонна автофургонов со включенными фарами. Можно было даже разглядеть красочные эмблемы на их бортах, но Бондарю было не до этого. Он сконцентрировался на поисках выхода из ловушки, в которую угодил.

Заметив протоптанную людьми тропу, он заскользил параллельным курсом, и интуиция его не подвела. Следы вели к брешу, зияющей в металлической сетке. Призванная сокращать путь тем, кто таскал стройматериалы с территории горнолыжной базы, дыра стремительно приближалась. Диаметр около полутора метров, с неровными краями, она казалась отверстием гигантского пылесоса. Или втянет, или расшибет к чертовой матери!

«Не проскочить», – посетовал присевший на корточки Бондарь, но глаза не зажмурил. Стоило хоть чуточку качнуться или отклониться от курса, и его, сжавшегося в комок, ударит о сетку, как теннисный мяч. На такой скорости это было все равно что налететь на встречную машину.

У-ух! Дыра всосала Бондаря и выплюнула по другую сторону ограды. Он не увидел, как двое преследователей в точности повторили его маневр, а последний, зацепившийся курткой за проволочную бахрому, покатился дальше уже не на лыжах, а кубарем, ёкая селезенкой при каждом ударе о землю.

Бондарь не оглянулся. Направив лыжи на высокий бруствер, созданный снегоочистителем, он на всякий случай мысленно попрощался с жизнью.

Он никогда не совершал прыжков с трамплина. Не знал, как нужно правильно планировать и что делать в момент приземления. Он просто перелетел через снежный гребень и взмыл в воздух.

Сердце замерло, время почти остановилось. Бондарь завис над полотном дороги, как в тягостном сне, где все происходит медленно и неотвратно.

Краешком глаза он видел громаду удаляющегося автофургона с логотипом «Iveco» на заиндевевшем полотне. Слева надвигался следующий грузовик. Ярко освещенный, но не ослепленный лучами фар, Бондарь слышал рокот двигателя, видел боковым зрением не только силуэт шофера за лобовым стеклом, но и мельчайшие детали кабины, видел, как по обе стороны от нее вздымаются белые крылья снежной пыли. Казалось, так будет продолжаться вечно, но рывканье автомобильного клаксона послужило сигналом, по которому замедленное восприятие сменилось лихорадочной сменой отрывочных кадров.

Раз! Лыжи соприкоснулись с насыпью на противоположной стороне дороги. Два! Бондарь подбросило вверх, как на батуте. Три! Он снова умудрился опуститься на обе лыжи и, отчаянно балансируя, понесся дальше.

За спиной раздались идентичные по звучанию удары, сопровождавшиеся душераздирающими воплями. Промежутки между ними были очень короткими: глухой стук – крик, глухой стук – крик. Протяжные гудки автомобилей образовали нечто вроде грянувшего и смолкшего похоронного оркестра: ду... ду... ду-ду...

Все это свидетельствовало о том, что гонка с преследованием завершилась. Проехав еще пару сотен метров, Бондарь затормозил и оглянулся.

Уменьшившиеся до размеров спичечных коробков грузовики стояли, растянувшись по всей дороге. Невозможно было определить, что именно там произошло, однако это было не так уж важно. Главное, что последующие прыжки через шоссе оказались не такими удачными, как тот, который совершил Бондарь. То ли преследователей посшибало кабинами, то ли они угодили в завихрения воздуха за фургонами, но факт оставался фактом: рождественская ночь для них закончилась.

Бондарь вытер взмокшее лицо и прислушался к себе, стараясь определить, надолго ли еще его хватит. В боках колело, легкие разрывались, к горлу подступала тошнота. После такого отчаянного марш-броска было трудно заставить себя продолжать движение вперед, и все же Бондарь поехал дальше. Уклон здесь был пологим, так что никаких сверхчеловеческих усилий не требовалось. Стой на лыжах, сохраняй равновесие да поддерживай трясущиеся колени руками.

Давно уже Бондарь не чувствовал себя таким измотанным. Дыхание норовило сорваться на всхлипывания, веки с заледневшими ресницами сделались непомерно тяжелыми, лыжи норовили перекреститься или разъехаться в стороны. И все же он почти достиг цели. Впереди виднелись редкие огоньки поселка. До них оставалось около километра. В Солохауле, конечно, не спрячешься, но там можно будет найти машину, чтобы добраться до Сочи или Дагомыса.

Так вяло размышлял Бондарь, понимая, что торжествовать победу рано. Очень скоро выяснилось, что в этом он был прав. Все-таки он потерпел поражение. Сокрушительное и ошеломляющее.

Глава 2, *возвращающая нас на исходную позицию, где все только начинается*

13 декабря в 9.03 в самом центре Москвы, в двух минутах ходьбы от Красной площади – на углу Петровки и Столешникова переулка, напротив Большого театра, – остановился дивный шестидверный лимузин, сверкающий черным лаком и серебристым хромом.

Это был не банальный «Линкольн», как решило большинство уличных зевак, плохо разбирающихся в автомобилях подобного класса. У входа в отель «Мэрриотт Роял Аврора» торжественно застыл представительский восьмиместный «Кадиллак-Лимузин» длиной 6 метров 64 сантиметра. Специалист, приметивший микропрожекторы на корпусе автомобиля, мигом смекнул бы, что они предназначены для того, чтобы освещать президентский штандарт и национальный флажок. И действительно, не далее как месяц назад именно этот «Кадиллак» был подан к трапу самолета, доставившего в Москву президента Соединенных Штатов.

Чтобы приобрести такую машину в личное пользование, было недостаточно обладать определенной суммой денег. Новый владелец должен был иметь доступ в святая святых Кремля, ибо именно там решалась дальнейшая судьба «Кадиллака». Кстати говоря, на него претендовали сразу четверо высокопоставленных членов правительства, однако предпочтение было отдано частному лицу. Тому самому, которое прибыло в «Аврору».

Весьма влиятельные и весьма состоятельные люди были частыми гостями этого отеля. Стандартный номер без завтрака стоил здесь 525 долларов за ночь, однако дороговизна не отпугивала, а, напротив, привлекала тех, кто стремился всячески подчеркнуть или просто почувствовать свою исключительность. Постояльцы отеля всю свою жизнь положили на то, чтобы стать не такими, как все, так что роскошь, недоступная простым смертным, возвышала их в собственных глазах.

«Аврора» привлекала их именно непомерно высокими ценами и эксклюзивностью. Поскольку в Москве пока что никто не додумался открыть шестизвездочный отель, как это было сделано в Бахрейне, то богатая публика при выборе пристанища руководствовалась иными критериями. Какой из множества отелей класса «люкс» или «пять звезд плюс» выбрать? Ну, конечно же, самый дорогой! Таким образом, все 230 номеров «Авроры», 9 конференц-залов, 4 бара, ресторан, фитнес-центр и сауна с бассейном исправно перекачивали миллионы долларов из одних карманов в другие, причем к обоюдному удовольствию.

Появление каждого нового клиента было настоящим праздником для вышколенной гостиничной obsługi. Тем более когда клиент прибывал в «Аврору» с помпой.

Вспотевший от приступа подбострастия швейцар засеменил к «Кадиллаку», боясь упустить щедрые чаевые. Его взгляд был взглядом изголодавшегося барбоса, почуявшего запах дармового угощения. В такие моменты швейцарам явно не хватает хвоста, чтобы беспрестанно вилять им из стороны в сторону, выражая готовность услужить хозяину. Зато они шустры, как цирковые собачки, бегающие на задних лапках.

Привратник «Авроры» не был исключением. Опередив важного водителя в униформе, он первым подскочил к задней дверце «Кадиллака», распахнул ее и едва не лизнул мужскую руку, сунувшую ему тысячерублевую купюру. Эта же рука сделала властный жест, отвергая дополнительные услуги швейцара заодно с его благодарным скулежом.

– Ступай, ступай, папаша, – поморщился молодой человек, выбравшийся на тротуар.

Был он вальяжен, ухожен, умеренно мордаст и упитан, но на владельца лимузина не тянул. Один только наушничек, предательски торчащий из ушной раковины молодого человека, выдавал в нем заурядного телохранителя, не говоря уже о зеркальных каплевидных очках

и демонстративно распахнутом пиджаке. Его напарник, без наушничка, но зато при микрофончике у рта, распрямился по другую сторону «Кадиллака». Поворачивая головы, оба просканировали взглядами публику у входа в отель, после чего первый телохранитель наклонился и тихо доложил:

– Можно выходить, Маргарита Марковна.

Дальнейшее происходило в лучших кинематографических традициях. Из недр лимузина возникла облитая тончайшим эластичным полиамидом нога невидимой дамы, на мгновение зависла в воздухе и ступила на тротуар. Находившиеся поблизости мужчины дружно уставились на эту ногу. Женские взгляды скрестились непосредственно на туфельке со стилетообразным каблуком. Трудно было даже представить, сколько могло стоять это заморское чудо. А уж когда дама из «Кадиллака» предстала перед собравшимися во всей своей красе, то вздрогнувшие от зависти женщины одновременно почувствовали себя униженными и оскорбленными.

Восставшую из пепла и тлена Мэрилин Монро, вот кого увидели перед собой присутствующие. Белокурую диву, гарцующую на каблуках, в норвящей соскользнуть с обнаженных плеч собольей шубе. Узкое, как перчатка, платье дивы казалось отлитым из металла, но в то же время выглядело невесомым, как паутина.

Да, это, несомненно, была Мэрилин Монро, но не та, которую схоронили в начале шестидесятых, а сверхновая Мэрилин Монро двадцать первого века, хотя, как и много лет назад, она пользовалась легендарными духами «Шанель № 5».

Ее прическа была тоже выдержана в стиле ретро, как и сумочка с платиновым треугольником, помеченным клеймом Prada. И женщины во все глаза смотрели на эту замечательную сумочку, пока мужчины пялились то на ноги, то на декольте дивы. Ее бюст был приподнят и обнажен ровно настолько, чтобы будить воображение, не позволяя в точности домыслить то, что оставалось скрытым от нескромных взоров.

Декольте, наряд и множество украшений выполняли еще одну очень важную функцию: они отвлекали внимание публики от деталей, способных выдать истинный возраст новоявленной Мэрилин Монро. Признаки увядания не бросались в глаза, однако явно присутствовали во внешности шикарной дамы. Приспущенные уголки ярко накрашенных губ. Дрябловатые веки. Едва заметные шрамы за ушами, свидетельствующие о том, что если красота действительно спасет мир, то сделает это лишь с помощью специалистов по пластической хирургии.

* * *

Даме, горделиво прошеествовавшей через холл отеля, могло быть как тридцать пять, так и все пятьдесят пять лет. Она не любила говорить о своем возрасте и о своем прошлом, это было табу. Вот почему апартаменты в «Мэрриотт Роял Аврора» были зарегистрированы на имя ее доверенного лица. И вот почему Интерполу, разыскивавшему Маргариту Марковну Морталюк на протяжении семи с лишним лет, ничего не было известно о ее местонахождении.

Впрочем, интерполовцы усердствовали не слишком, равно как и правоохранные органы сразу нескольких республик бывшего Советского Союза. В свое время госпожа Морталюк объявлялась в розыск и на Украине, и в Белоруссии, и в России, на территории которой она находилась в настоящий момент. Ее как бы искали, но как бы не находили. Дело было не в способности Маргариты Марковны становиться невидимой. Не в ее сбивающем с толку кинозвездном воплощении. Просто когда размер состояния человека исчисляется девятизначными числами в долларовом выражении, он возносится на некий недостижимый пьедестал, откуда равнодушно взирает на суету у своих ног.

Взгляд госпожи Морталюк был преисполнен ледяного презрения.

Персональный дворецкий, поступивший в ее распоряжение, еще никогда не чувствовал себя столь маленьким, невзрачным и жалким, как сейчас. Он был букашкой, которую можно

было уничтожить одним плевком, одним движением пальца. Топни гостя отеля ногой, негодуя повысь тон, и с дворецким будет покончено. Прощай тогда квартира, приобретенная в кредит, прощай юные подружки и вожаемый отпуск в Египте.

Дворецкий шумно сглотнул слюну и приказал себе держаться до последнего. Терять доходное место он не хотел. Собрал волю в кулак и ждал.

Наконец тягостная пауза была нарушена немелодичным голосом VIP-персоны, столь разительно похожей на Мэрилин Монро, что при взгляде на нее было невозможно отделаться от ощущения deja-vu.

– Ты знаешь, любезный, почему я выбрала именно ваш отель? – спросила она, раскинув руки вдоль спинки дивана, на котором сидела.

Стоящий напротив дворецкий наклонил голову:

– Наш сервис и наш комфорт...

Недовольная гримаса собеседницы заставила его оборвать фразу на полуслове.

– Начхать мне на ваш сервис и на ваш комфорт, – произнесла госпожа Морталюк. – За те деньги, которые я плачу, меня окружают заботой и вниманием в любой точке земного шара. Не так ли?

– Совершенно с вами согласен, Маргарита Марковна, – подтвердил дворецкий, дивясь тому, как сильно звучит его голос. Словно ангину подхватил или косточкой подавился.

– Тогда почему именно «Аврора», а не «Рэдисон» или «Континенталь»?

– Не могу знать-с.

Дед дворецкого, погибший в ноябре сорок первого в боях под Москвой, перевернулся бы в братской могиле, услышав он это «не могу знать-с», а вот прадед, служивший в молодости приказчиком у купчихи с Тверской, имел бы все основания гордиться своим находчивым потомком.

– Попробую пояснить, – сказала госпожа Морталюк таким тоном, словно подозревала дворецкого в умственной отсталости. – Насколько мне известно, ваша гостиница не имеет номеров с видом на Кремль, а меня это вполне устраивает. Ты любишь Кремль?

– Никак нет, – отрапортовал дворецкий. – Зачем мне его любить? Нам Кремль ни к чему.

– А ты дурень, любезный. – Констатация этого факта, похоже, доставила госпоже Морталюк немалое удовлетворение. – Кремль нам очень даже нужен. Куда нам без него? – Воскликание сопровождалось коротким хихиканьем, слышав которое в темноте, любой нормальный человек непременно покрылся бы мурашками. – Там, – продолжала Морталюк уже совершенно серьезно, – сидит множество полезных, весьма полезных людей, понимающих нужды большого бизнеса. Лично мне нравится Кремль. Но...

– Но? – в апартаментах словно завелось эхо, готовое подхватить каждое слово поселившейся здесь важной персоны.

– Но любоваться им слишком часто утомительно.

– Понимаю, – энергично кивнул дворецкий.

– Сомневаюсь, – вздохнула госпожа Морталюк. – Впрочем, это не важно. Бог с ним, с Кремлем. Я пригласила тебя, чтобы поговорить о гостинице. Что ты о ней думаешь?

– «Аврора» – самый фешенебельный и солидный отель столицы, – заговорил он, надеясь, что это действительно так. – Сервис и безопасность на высочайшем уровне. Посторонние могут проникнуть к нам только при согласовании с отделами по связям с общественностью.

– Разве я просила читать мне лекции? – холодно осведомилась Морталюк. – Нет? Тогда отвечай на поставленный вопрос. Коротко и ясно. Что ты думаешь о гостинице?

– Она первоклассная. – Дворецкого так и подмывало истово перекреститься. – Самая современная. Лучше ее во всей Москве не найти.

– Неужели? – хихикнула госпожа Морталюк. – А вот у меня сложилось иное мнение. Во-первых, – она загнула палец с хищным малиновым ногтем, – мне не нравится планировка

коридора. Он расположен на двух уровнях. Создается такое впечатление, что вашу «Аврору» проектировали для всяких там инвалидов в колясочках...

– Вы ошибаетесь, Маргарита Марковна. Дело в том, что рельеф местности...

– Во-вторых, – продолжала госпожа Морталюк, загибая следующий палец, – меня предупредили о том, что бар в лобби тесноват, и вентиляция там никуда не годится.

– Я немедленно свяжусь с администратором, – начал дворецкий, – и мы...

– В-третьих, почему в конференц-зале потолок такой низкий?

– Это, извините, вопрос не ко мне, – ответил дворецкий, в котором на время ожили гены героического деда. – Потолки, извините, не входят в мою компетенцию. Не могу же я перedelывать их по усмотрению каждого постояльца!

– Почему бы и нет? – задумчиво протянула госпожа Морталюк, зрачки которой затянуло нехорошей поволокой. – Если бы мне пришла в голову такая блажь, то именно этим ты занимался бы оставшуюся жизнь, любезный. Стал бы лучшим специалистом по перedelке потолков и стен... Но у меня нет такого желания, – добавила госпожа Морталюк после затянувшейся паузы, в течение которой несчастный дворецкий забыл о необходимости пополнять легкие новыми порциями кислорода. – Я просто перечислила тебе свои замечания с тем, чтобы ты хорошенько усвоил: угодить мне непросто. Понятно?

– О да, Маргарита Марковна! – дворецкий с облегчением перевел дух.

– Тогда свободен. – Госпожа Морталюк извлекла из сумочки невероятно длинный мундштук, который как нельзя лучше подходил для того, чтобы указывать им на дверь. – Постой! – нахмурилась она, останавливая дворецкого на середине пути. – Сначала дослушай до конца... – Мундштук многозначительно качнулся в воздухе. – В ближайшее время я со своими людьми буду находиться в конференц-зале. У нас намечаются гости, которых ты будешь приводить из лобби, если тебя об этом попросят. Кроме того, нами арендованы спортивный зал и сауна с бассейном...

– Я в курсе, – позволил себе реплику дворецкий, за что был награжден не просто презрительным, а убийственным взглядом.

– Вашим секьюрити может показаться, – монотонно продолжала госпожа Морталюк, – что мои люди и гости ведут себя шумновато. – Твоя задача успокоить охрану. Любые неудобства, причиненные нами, будут щедро оплачены. Как и возможные... гм, изменения гостиничного интерьера.

– Из?... Изме?..

– Из-ме-не-ни-я. Ты не ослышался.

– В таком случае, – сорвался на дискант дворецкий, – я буду вынужден поставить в известность главного менеджера.

– Именно об этом я собиралась тебя попросить, любезный. – Госпожа Морталюк вскинула мундштук. Один из окаменевших подле дивана телохранителей ожил и, повинаясь жесту хозяйки, извлек из внутреннего кармана пиджака конверт, который был вручен дворецкому.

– Это деньги? – предположил он.

– Ты очень догадлив, – усмехнулась госпожа Морталюк. – Иди к начальству и уладь вопрос. Полагаю, щедрый благотворительный взнос будет способствовать правильному пониманию моих маленьких причуд. У тебя есть причуды, любезный?

– Нет, – твердо ответил дворецкий. – Никаких причуд у меня нет и быть не может.

– Надеюсь, что так. Надеюсь, что тебя не постигнет внезапный приступ kleптомании. Потому что, если из конверта пропадет хотя бы одна сотня долларов, то тебе предстоит долгий и болезненный курс лечения.

– Обижаете, Маргарита Марковна!

– Обижаю, – почти весело подтвердила госпожа Морталюк. – В этом-то и вся прелесть моего положения. Я могу унижить любого, а меня – никто. – Она сорвалась на мелкое хихика-

нье, начавшееся и оборвавшееся так резко, словно в мозгу Морталюк переключило некое реле. – Хотелось бы тебе оказаться на моем месте, любезный?

– Нет, – еще тверже повторил дворецкий. – Меня мое место вполне устраивает.

– И ты не хочешь его лишиться, м-м?

– Ни за что на свете, Маргарита Марковна.

– Ну так действуй, – взмахнула мундштуком госпожа Морталюк. – Будь исполнитель, расторопен, не задавай лишних вопросов, и все обойдется. Ступай, дружок, ступай.

Дворецкий вывалился в коридор с таким очумелым видом, словно провел последние полчаса не в первоклассном гостиничном номере, а в горном забое, где произошла утечка метана. Или на поле боя под ожесточенным огнем противника. И все же, удаляясь от апартаментов госпожи Морталюк, дворецкий нашел в себе силы улыбнуться. Это была растерянная улыбка человека, чудом уцелевшего в смертельной схватке. Человека, сумевшего отстоять если не всю Москву, то ее дорогой сердцу уголок. Свою уютную норку со всем ее содержимым.

Глава 3,

в которой выясняется, что настоящим бизнес-леди, нуждающимся в стопроцентных мачо, не так-то просто определиться с выбором

Конференц-зал представлял собой просторное низкое помещение, пропитанное духом скучной респектабельности. Стол, выполненный в форме подковы, охватывал собой уголок живой природы, однако как-то не верилось, что золотые рыбки, уныло плавающие в искусственном озере, настоящие, а зеленые насаждения способны цвести и пахнуть.

Несколько авангардистских полотен на стенах слегка оживляли обстановку, напоминая, что жизнь состоит не только из деловых переговоров и заседаний акционеров. Других ярких или бросающихся в глаза предметов в конференц-зале не имелось. Интерьер был выдержан в приглушенных тонах – фон, на котором Маргарита Марковна Морталюк смотрелась особенно экстравагантно.

Оставив шубу в номере и оставшись в облегающем платье на бретельках, она походила на Мэрилин Монро в большей степени, чем самая совершенная восковая копия кинозвезды. Идеально уложенные волосы блестели, словно парик, ткань платья струилась ртутными перегибами, бриллиантовые серьги вспыхивали радужными блесками. Американцы сказали бы, что госпожа Морталюк выглядит на миллион долларов... и ошиблись бы. Один только мундштук в ее пальцах стоил в полтора раза дороже, не говоря уже об остальном.

Она сидела за овальным столом, важная и неприступная, как статуя. Это представлялось очень странным. Нормальная женщина из плоти и крови ни за что на свете не потерпела бы соседства того кошмарного монстра, который пристроился по правую руку от Морталюк.

Высокий, худой, с широкими, но почему-то покатыми плечами, он внушал окружающим не то чтобы страх, но непреодолимое отвращение. Его лицо было маской – кошмарной маской больного проказой или тяжелейшей формой оспы. Узкие щелки между его полуприкрытыми веками ничем не отличались от глаз дремлющего варана, да и кожа на жуткой физиономии выглядела так, словно ее позаимствовали у какой-нибудь крупной рептилии. Бугристая, изрытая застарелыми язвами, лоснящаяся и покрытая чуть ли не трупными пятнами, она вызывала желание немедленно отвернуться, чтобы не видеть перед собой этого безобразия.

Между тем обладатель жуткой физиономии несколько не комплексовал по этому поводу и даже заботился о своей внешности, судя по элегантному костюму, подобранному в тон галстуку и ухоженной шевелюре. От этого мужчина выглядел еще более дико, еще более отталкивающе. Фредди Крюгер смотрелся бы рядом с ним довольно милым парнем, а Франкенштейн – тот и вовсе писанным красавцем.

Почему сказочно богатая и эффектная женщина терпела общество такого уродца? Что связывало их и каким образом он умудрился получить должность референта госпожи Морталюк? Многие, очень многие задавались подобными вопросами, однако ответов на них не было. Это оставалось такой же тайной, покрытой мраком, как и история болезни помощника Маргариты Марковны. Просто он неотступно следовал за ней, и тем, кто имел дело с загадочной парой, приходилось мириться с фактом его существования.

Что же касается госпожи Морталюк, то она свыклась с внешним видом своего верного спутника настолько, что, находясь в хорошем расположении духа, не брезговала трепать его по щеке. Отважиться на подобный жест была способна либо ангельская натура, либо отъявленная бестия. Заглянув в глаза Маргариты Марковны, можно было с уверенностью сказать: не ангел. Ее привязанность к ненавидимому всеми уроду объяснялась отнюдь не милосердием.

– Приступим, Юрасик, – распорядилась она, поигрывая мундштуком. – Кто там у нас на повестке дня?

Значительно откашлявшись, немолодой мужчина, названный Юрасиком, щелкнул клавишей ноутбука. Его нисколько не покорило фамильярное обращение хозяйки. Он и сам звал ее по имени: иногда – Маргаритой, иногда – Марго, в зависимости от обстоятельств. Слишком многое связывало госпожу Морталюк и Юрия Щусевича, чтобы соблюдать деловой этикет наедине.

Найдя нужную страницу электронного текста, он прочитал:

– Первым значится бывший майор МУРа Федор Туманцев, специалист по раскрытию особо тяжких преступлений.

– Возраст? – осведомилась Морталюк.

– Тридцать семь лет.

– За что уволен?

Скользнув взглядом по строчкам текста, Щусевич хмыкнул:

– Оказался впутанным в грязную историю, связанную с попыткой хищения воровской кассы. Имеется в виду так называемый общак. Авторитет по кличке Барсик приговорил Туманцева к смерти, вот он и мечется. Ищет покровителей, способных уберечь его от расправы.

– О какой сумме идет речь? – оживилась Морталюк.

– Без малого полмиллиона долларов, – доложил Щусевич.

– Ерунда. Терпеть не могу крохоборов.

– Удаляем из списка?

– Уже удалили, Юрик. Поехали дальше.

– Следующим идет некто Рукопашник, – продолжал Щусевич, отыскивая в кармане зажигалку. – Такой у него псевдоним.

– Идиотский псевдоним, – наморщила нос Морталюк, вставляя в мундштук сигарету. – Рукопашник, говоришь? И на что он годится, этот Рукопашник?

– Бывший спортсмен. Воевал в «горячих точках», если верить анкете. Недавно стал участником боев без правил.

Говоря это, Щусевич смотрел на экран, однако не пропустил момента, когда следовало высесть из «Ронсона» язычок пламени.

– Благодарю, Юрик, – кивнула Морталюк, медленно выпуская дым через ноздри.

– Не за что, – пробормотал Щусевич, опуская зажигалку в карман.

Он гордился своим умением быть не просто необходимым, а незаменимым. Даже в мелочах. Хотя, когда служишь одной из самых богатых женщин планеты, о мелочах говорить не приходится.

Взять хотя бы любимый мундштук госпожи Морталюк. Щусевич по личной инициативе приобрел его на аукционе Сотби, рискуя навлечь на свою голову гнев своенравной хозяйки, но, как всегда, сумел угодить, заслужив моральное и денежное вознаграждение. Госпожа Морталюк обожала безделицы, стоившие целое состояние. Ей было приятно сознавать, что она держит в руках мундштук, продав который можно было бы организовать бесплатный обед для четверти населения какого-нибудь крупного областного центра.

Мундштук был изготовлен в 1916 году Карлом Фаберже из горного хрусталя с идеальной прозрачностью. Вставленный в изысканную оправу из четырехцветного золота, украшенный дюжиной крошечных розовых бриллиантов и одним бирманским рубином цвета голубиной крови, он являлся для госпожи Морталюк чем-то вроде миниатюрного скипетра, подтверждающего ее высочайший статус. Покуривая сигарету, вставленную в мундштук, она слушала продолжение доклада своего личного монстра и референта.

Ароматизированным дымом госпожа Морталюк не затягивалась. Она намеревалась прожить на этом свете еще минимум лет сто, сохраняя не только здравый рассудок, но и внешнюю привлекательность. На то у Маргариты Марковны имелись все основания.

* * *

Щусевич извлек из нагрудного кармана платок, осторожно промокнул гноящиеся уголки глаз и перешел к очередной кандидатуре:

– «Иван Богданович Кряжиков, старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры», – зачитал он. – Про таких говорят: важняк. Упрямый, настырный, неговорчивый, интеллектуально ограниченный человек. Выявлял коррупцию в высших эшелонах власти. Довываялся. Теперь вот безуспешно ищет работу.

– Я из принципа не возьму такого, – заметила госпожа Морталюк, пуская колечки дыма. – Даже если он подойдет по всем прочим параметрам. Только борцов с коррупцией мне не хватало! У них дурная наследственность.

Если бы маска, которая заменяла Щусевичу лицо, была способна выражать эмоции, он не преминул бы улыбнуться, но, не имея такой возможности, ограничился намеком на кривую гримасу.

– А тут у нас целый тандем, – объявил он с преувеличенным энтузиазмом. – Два любителя помахать кулаками. Гена Лютиков и Гоша Горелов. Каратисты-самоучки. Оба привлекались к уголовной ответственности за злостное хулиганство.

– Послушай, Юрасик, – недовольно произнесла Морталюк, извлекая дымящийся окурок из мундштука, – беспородные дворняжки нам тут не нужны. Какого черта ты морочишь мне голову всякими Генами и Гошами? Это ведь мелкое хулиганье, отребье. В Москве что, настоящих мужиков мало?

– Гораздо меньше, чем мы рассчитывали, когда давали объявления, – признался Щусевич. – За две недели откликнулись около пятисот желающих, однако девяносто процентов отсеялись на первом же этапе, а дальнейшая проверка показала, что половина оставшихся дала о себе заведомо ложные сведения.

– Неутешительная статистика, Юрасик.

– Полностью с тобой согласен, Марго.

– Как же быть? – нахмурилась Морталюк. – Я не могу тратить столько времени и средств на поиски подходящего экземпляра.

Сверившийся со списком Щусевич осторожно кашлянул:

– У нас еще девятнадцать пунктов, Марго.

– Девятнадцать? Хм... Вот что, зачитывая досье на кандидатов, показывай мне их фотографии. – Морталюк самодовольно усмехнулась. – Данные данными, а женская интуиция прее выше всего. Я вас, мужиков, насквозь вижу.

Пытаться прочесть эмоции на малоподвижном лице Щусевича было все равно что определять его возраст. Развернув ноутбук таким образом, чтобы хозяйка могла видеть экран, он щелкнул «мышкой» и высветил портрет мрачного лобастого типа с набрякшими подглазьями.

– Отставной полковник Главного разведывательного управления Брызгалюк, – прокомментировал Щусевич. – Преподносит себя как опытного разведчика и психоаналитика. Подходит по всем параметрам, но есть одно «но»...

– Без драматических пауз, пожалуйста, – поторопила помощника Морталюк. – Что ты имеешь в виду?

– У этого Брызгалюка небольшой сдвиг по фазе.

– Извращенец?

– Не совсем. Просто он любит выдавать себя за члена средневекового монашеского братства. – Щусевич снова воспользовался носовым платком. – Напускает туману. За эту эзотерику его из ГРУ и поперли.

– У меня тоже не теософское общество, Юрасик, – напомнила Морталюк.

– Достоинств у Брызгалюка значительно больше, чем недостатков.

– Это не тот случай, когда количество переходит в качество. Погляди, как у твоего Брызгалюка глаза запали. Какой-то свихнувшийся инквизитор, а не полковник. Никуда не годится. Нам нужны практики, а не мистики-аскеты. Дальше.

– «Майор ВДВ Лавриков», – зачитал Щусевич.

– ВДВ? – вскинула брови Морталюк. – Расшифруй-ка.

– Воздушно-десантные войска.

– Парашютист, что ли?

– Умение прыгать с парашютом – лишь малая толика того, что умеют десантники. – Щусевич произнес это так, словно имел в виду самого себя, хотя в армии никогда не служил. – Лавриков побывал в пяти «горячих точках», – продолжал он. – Подчиненные называли его ласково: Папаня.

– Почему Папаня?

– Он был солдатам как родной отец.

– По физиономии заметно, – поморщилась Морталюк. – Лопухий, лупоглазый, нос картошкой... Такому папане место на дачном участке, а не в моей команде. Слуга царю, отец солдатам... Убери этого пентюха, чтобы глаза мои его не видели!

Уловив в тоне хозяйки нотки, предвещающие бурю, Щусевич понял, что пора выкладывать главный козырь, не то подбор кандидатов завершится выволочкой и наложением штрафа. Тщательно прочистив горло, он торжественно провозгласил:

– Капитан Бондарь Евгений Николаевич, сотрудник Оперативного отдела Управления контрразведывательных операций ФСБ, тридцать один год.

– Увеличь изображение, – распорядилась Морталюк, откинувшись в кресле со скрещенными на груди руками.

С экрана на нее смотрел мужчина, которого, несмотря на правильные черты лица, никак нельзя было назвать красавчиком. Мешало чересчур жесткое, даже жестокое выражение его серо-голубых глаз. В резких очертаниях скул угадывалась привычка держать челюсти плотно сжатыми. Возле левого уголка губ имелась характерная морщинка, выдающая привычку улыбаться только одной половиной рта, но вертикальная складка между бровями свидетельствовала о том, что даже такая кривая усмешка появляется на лице Бондаря крайне редко.

«Хорош, – подумала госпожа Морталюк, забрасывая ногу за ногу. – Один из тех мужчин, которых действительно украшают шрамы. Интересно, кто ему оставил отметину на подбородке? Этот Бондарь не похож на человека, позволяющего лупить себя по мордам. Скорее он напоминает мне самурая из старых фильмов Куросавы, хотя внешность у него типично славянская. Причиной оптического обмана несомненно являются волосы – густые, черные и блестящие, как у заправского японца. Тщательно расчесанные на пробор, они выдают в Бондаре педанта и консерватора, который никогда не суетится, но всюду успевает. Мужчин этой породы не увидишь взъерошенными, растрепанными, с невымытыми шеями и запущенными ногтями. Мятые шорты, пропотевшие футболки и сандалии на босу ногу не для них, им подавай классический стиль. Что ж, кажется, подходящий экземпляр».

– Подозрительный экземпляр, – скептически обронила Морталюк, не отрывая глаз от портрета Бондаря. – Угрюмый какой-то, худой, осунувшийся.

– Что касается худобы, то это обманчивое впечатление, – поспешно сказал Щусевич. – При росте 183 сантиметра вес Бондаря почти идеальный: восемьдесят один килограмм. Просто курит много. Как правило, «Монте-Карло»...

– Дешевка, – процедила Морталюк.

– Убрать?

– Погоди. Чем еще занимается твой Бондарь, кроме того, что смолит копеечные сигареты?

– О, тут на него целое досье, – оживился Щусевич, щелкая клавишами. – Желаеть сначала с общей характеристикой ознакомиться или сразу перейдем к служебной?

– От общего к частному, – значительно произнесла Морталюк, усаживаясь поудобнее.

Она испытывала приятное возбуждение, как в далекой молодости, когда бегала на фильмы с Аленом Делоном, а потом представляла себя в его объятиях. Нынешний сеанс сулил куда более острые ощущения.

Глава 4, *проходящая под грифом «Совершенно секретно»*

Федеральная служба безопасности России, как любое учреждение подобного рода, накапливает и хранит несметное количество самых разнообразных данных. Компьютерная система, из которой время от времени скачивал информацию Юрий Щусевич, именовалась ОБС СНГ – Объединенный банк сведений спецслужб СНГ. Запущенная в действие в конце девяностых, система состояла из пятнадцати терминалов, размещенных в столицах бывших союзных республик. Центральный сервер находился в Москве. Он функционировал в открытом и закрытом режимах. Если в первом обрабатывалась и хранилась общедоступная информация из СМИ, то допуск к работе во втором режиме позволял пользоваться данными всех спецслужб без исключения. Как ни печально, во времена, когда людей приучили функционировать в режиме деньги—товар—деньги, разная продажная шушера с Лубянки начала приторговывать различными секретами, в том числе и кодами, позволяющими проникнуть в базу данных ФСБ.

У Щусевича такой код имелся, так что ему не составляло особого труда извлечь из недр электронной памяти личное дело капитана Бондаря.

По мановению пальцев, пробежавшихся по клавиатуре, открылся электронный шлюз нужного сервера, по которому устремился бурный поток байтов, килобайтов и мегабайтов. Буква к букве, пиксел к пикселу, и вот уже на экране компьютера возник виртуальный образ оперуполномоченного Бондаря Евгения Николаевича, и в него впились изучающие взгляды.

Первое, на что обратила внимание госпожа Морталюк, это отличная физическая подготовка капитана. В молодости он активно занимался боксом и плаванием, позже зарекомендовал себя великолепным стрелком, мастером рукопашного боя и вообще человеком, умеющим переносить боль и экстремальные нагрузки. Если бы не страсть к курению, то Бондаря можно было бы смело записывать в отряд космонавтов.

Правда, в начале года он частенько баловался спиртным. Причиной тому была трагическая гибель жены и четырехлетнего сына. Они попали в автокатастрофу, когда сидевшая за рулем Наталья Бондарь попыталась разминуться с мчавшимся по встречной полосе «Саабом». В служебных записках сослуживцев утверждалось, что капитан винил в случившемся себя, поскольку настоял, чтобы жена обзавелась водительскими правами. Неделию спустя ее не стало, а Бондарь заимел привычку регулярно закладывать за воротник и проводить ночи у могил на Новодевичьем кладбище.

– Впрочем, как видишь, это длилось недолго, – заметил Щусевич, щелкнув ногтем по экрану компьютера. – В штопор не сорвался, взял себя в руки.

– Этого и следовало ожидать, – откликнулась Морталюк.

– Ожидать как раз следовало самого худшего. Все шло к тому, что Бондарь убьет себя или непомерными дозами спиртного, или вообще пустит пулю в лоб.

– Ошибаешься, Юрасик. Наш капитан слеплен из особого теста.

– Вот как? – переспросил Щусевич. – Из какого же?

– Да уж не из блинного и не из сдобного, – усмехнулась Морталюк. – В этом человеке особая закваска.

– Какая?

– В нем угадывается наличие сверхпрочного стержня. Того самого, которого ты, как большинство современных мужчин, увы, лишен.

– Так все-таки закваска или стержень? – не удержался от сарказма Щусевич.

– Не придирайся к словам, – осадила его Морталюк. – Я говорю о характере, позволяющем выстоять там, где обычный человек ломается.

– Тогда, может, не будем терять время, а сразу пригласим Бондаря для личного собеседования?

– Обязательно. Но сначала я желаю поподробнее ознакомиться с ним заочно.

– Пожалуйста, – пожал плечами Щусевич, испытывая нечто вроде укола ревности.

По молодости лет, давным-давно, он спал со своей нынешней хозяйкой, но нежных чувств друг к другу они не испытывали, да и не умели испытывать. Почему же его коробит от азартного блеска в глазах старой знакомой? В конце концов, подбор подходящей кандидатуры был в интересах самого Щусевича. Деликатно утершись носовым платком, он доложил:

– Прошу. Вот он, твой капитан Бондарь, весь как на ладони. Читай. Тут вся его подноготная. Только сдается мне, Марго, что тебя ожидают неприятные сюрпризы. Идеальных людей не существует в природе. Ни женского, ни мужского пола.

– Кто тебе сказал, что мне нужен идеальный мужчина? – удивилась Морталюк. – Положительные герои скучны.

– Зато предсказуемы.

– Предсказуемость лишь одна из составляющих скуки, Юрасик.

Фразу завершило то неповторимое хихиканье, благодаря которому госпожа Морталюк сразу выделялась в обществе уравновешенных людей, а поэтому обычно старалась сдерживаться.

Щусевич, которого давно не смущали манеры хозяйки, зато все сильнее задевал ее повышенный интерес к какому-то капитанишке ФСБ, пожал плечами.

– Чем больше я узнаю об этом Бондаре, – заявил он, – тем сильнее меня терзают сомнения. Обрати внимание. – Щусевич ткнул пальцем в экран. – Твой супермен, оказывается, питает страсть к стишкам. Лирик. Смешно даже.

– Ты невнимательно прочел абзац, – откликнулась Морталюк. – Тут говорится, что однажды Бондарю пришлось безвылазно торчать в засаде, а под рукой не оказалось ничего интереснее поэтического сборника. Тогда он проштудировал его от корки до корки, а на протяжении следующего месяца повторял пройденное, валяясь в госпитале с простреленным легким. – Морталюк хмыкнула. – Оставалось лишь пожалеть о том, что в данном случае пищей для ума послужили вирши, а не какие-нибудь полезные сведения. Память у капитана отменная.

– С чего ты взяла? – буркнул Щусевич.

– В характеристике Бондаря говорится о его недюжинных способностях к оперативной работе, однако отмечаются также его аналитический склад ума, высокая эрудиция и умение воспринимать сложную информацию.

– В таком случае приближать к себе такого человека опасно, Марго.

– Разве ты забыл, что я обожаю чувство опасности, Юрасик? – Ноздри Морталюк расширились, глаза засверкали пуще прежнего. – Без этого жизнь пресна. Ну-ка, листай страницы, дружок. Мне не терпится перейти от теории к практике!

Щусевич заметил, что хозяйка вновь готовится закурить сигарету, но на этот раз предпочел сделать вид, что поглощен изучением досье. А оно и в самом деле оказалось прелюбопытным.

* * *

Деятельность капитана Бондаря с прошлой зимы по нынешнюю позволяла сделать вывод, что он, бесспорно, являлся одним из лучших оперативников УКРО ФСБ. Год начался для него с расследования теракта в ночном клубе «Приход», где взрыв унес жизни шестнадцати молодых людей, собравшихся оттянуться под музыку модной группы «Mothersuckers». Наверняка добрая половина из них находилась под кайфом и вряд ли успела осознать, что вечеринка

переносится из Москвы в места очень и очень отдаленные, где больше не будет ни экстази, ни фэйс-контроля, ни рейва с драйвом.

Террористкой, как ни странно, оказалась не уроженка Чечни, а московская студентка третьего курса престижного коммерческого колледжа, нацепившая пояс шахидки. Что заставило ее решиться на такой радикальный поступок? В разведывательной операции под кодовым названием «Прощание славянки» было задействовано несколько десятков сотрудников ФСБ, однако ответ на все вопросы нашел не кто иной, как Бондарь. Именно он вышел на Роберта Оттовича Кочера, владельца международной корпорации «Голден Хиллз» и организатора теракта. В распоряжении этого мультимиллионера оказалась уникальнейшая аппаратура для воздействия на человеческое сознание. Созданная в бытность СССР стараниями спецслужб, она позволяла зомбировать людей, заставляя их беспрекословно выполнять любые приказы.

Кочер, обосновавшийся на верхнем этаже знаменитого здания «Кутузов», возомнил себя небожителем и вершителем человеческих судеб. Взрыв на дискотеке был лишь пробным шаром, ибо конечной целью являлся президент России. Студентки, обвешанные взрывчаткой, должны были смешаться с работницами ивановского текстильного комбината, приветствующими высокого гостя. Коварный план так и не был приведен в исполнение. Пробравшись в апартаменты Кочера, капитан Бондарь устроил там настоящую бойню, после которой «кутузовский» дом стал пользоваться дурной славой. Поговаривали, что там завелись привидения, пугающие обитателей по ночам.

Отметив про себя, что слухи про привидений, скорее всего, распускают торговцы недвижимостью, рассчитывающие скупить квартиры в «Кутузове» по дешевке, Морталюк извлекла из мундштука окурки, затушила его в пепельнице и пробормотала:

– Странные вы все-таки создания, мужчины.

– Что? – встренулся задумавшийся о чем-то своем Щусевич.

– Молоденькие, неопытные девочки почему-то привлекают вас сильнее, чем зрелые женщины, – продолжала Морталюк. – Тут говорится, что во время операции Бондарь спутался со студенткой Дарьей Королевой. – Хрустальный мундштук, взятый на манер учительской указки, прикоснулся к экрану ноутбука. – Глупо. Чего хорошего можно ожидать от сопливой девчонки?

– Королева понадобилась Бондарю в качестве подсадной утки, – заметил Щусевич.

– Вряд ли. – Ухоженные брови Морталюк слегка нахмурилась. – Подозреваю, что их отношения продолжаются и по сей день.

Она ошиблась. Уже через месяц Бондарь обзавелся временной женой, с которой отправился в эстонский курортный городок Пярну. Его спутницу звали Верой Савич, в прошлом она была «Мисс Краснодар-2000», а в настоящем сотрудничала с ФСБ.

Изображая из себя беззаботных молодоженов, Бондарь и его мнимая супруга должны были вывезти в Россию или же ликвидировать некоего профессора Виноградского, доктора микробиологических наук, культивировавшего уникальный вид бактерий, способных выживать и активно размножаться в хлорированной среде. Другими словами, стараниями ученого обычная водопроводная вода могла превратиться в опаснейшее бактериологическое оружие.

При кажущейся легкости задание оказалось весьма сложным. Во-первых, за открытием профессора охотилась эстонская спецслужба. Во-вторых, универсальным оружием мечтали завладеть неофашисты из Лиги борцов за свободу. Они свили себе гнездо в древнем епископском замке, куда была вывезена захваченная ими напарница Бондаря. Вызволяя ее, он сам попал в плен, где перенес нечеловеческие пытки и лишения. В конечном итоге замок удалось взорвать, но, когда Бондарь вернулся на родину, на нем живого места не было. Хотя он быстро восстановил прежнюю физическую форму, медицинское освидетельствование гласило, что его психическое состояние оставляет желать лучшего.

«Ничего удивительного, – подумала Морталюк. – Было бы странно, если бы испытания, выпавшие Бондарю, никак не отразились на его нервной системе».

– Теперь ты понимаешь, о каком внутреннем стержне я говорила? – спросила она у помощника, закончив знакомиться с отчетом по операции «Балтийская чума».

Тот позволил себе двусмысленную шутку:

– Для мужчины гораздо важнее обладать прочным внешним стержнем, чем внутренним.

– Ты говоришь об этом так, словно обладаешь тем и другим, – парировала Морталюк. – На твоём месте, Юрасик, я не распространялась бы на эту тему.

Всем своим видом изображая оскорбленное достоинство, Щусевич открыл новый файл. Там хранились сведения, касающиеся операции по выявлению и уничтожению секретной лаборатории, перерабатывавшей афганский опий. Надежно спрятанная на маленьком островке в дельте Волги, лаборатория охранялась не хуже военной базы, да и размещалась в бункере бывшего командного пункта.

Массовый сбыт дешевого героина из астраханского региона осуществлялся в соответствии с планами пресловутого «Комитета 300», поставившего перед собой задачу освободить перенаселенную планету от трех миллиардов «беспольных едоков», которые, не являясь платежеспособными потребителями, ничем не оправдывали свое убогое существование. Наркотики уничтожали «избыточную биомассу» не менее эффективно, чем экономические санкции и межнациональные конфликты. Распространению их в России придавалось особое значение. Не случайно охрана острова была поручена целому отряду боевиков под началом известного полевого командира Ахмета Заирова.

Отчет Бондаря о затоплении лаборатории вместе с ее сотрудниками совершенно не заинтересовал Маргариту Марковну Морталюк, которая отметила для себя лишь одно важное обстоятельство: женский пол в операции задействован не был. Надеюсь, что Бондарь и в дальнейшем предпочтет действовать в одиночку, она бегло ознакомилась с деталями операции «Севастопольский вальс».

Дело происходило полгода назад, минувшим летом. Капитан и его напарник из Главного разведывательного управления прибыли в Крым, чтобы отыскать старпома Малютина, сбежавшего с российской подлодки вместе с похищенным гидроакустическим прибором. Эта штука была представляла немалый интерес для спецслужб всего мира, так что в охоте на старпома поучаствовали все, кому не лень, от сотрудников Украинской службы безопасности до крымских бандитов. Бондарю достался не только главный приз, но и пуля, однако он сумел выбраться из этой заварухи.

С чем его Морталюк мысленно и поздравила, переходя к предпоследнему эпизоду послужного списка капитана Бондаря. Направленный в Одессу, он был приставлен в качестве телохранителя к некоему Пинчуку и его молодой ветреной жене. Одесский бизнесмен являлся посредником при продаже российских систем ПВО в Иран, а ЦРУ всяческими способами препятствовало тому, чтобы сделка состоялась. Американцы остались с носом, а вот женушка бизнесмена, как подозревала Маргарита Марковна, своего добила. Подтверждением тому было письменное указание Бондарю на недопустимость личных связей, препятствующих выполнению служебного долга.

Капитан мнением руководства пренебрег, за что поплатился при выполнении последнего задания. Это произошло совсем недавно, во время его командировки в Грузию. Разыскивая там бывшего полевого командира чеченских сепаратистов, Бондарь прибег к услугам тбилисской журналистки Тамары Галишвили. Судя по всему, ее помощь была неоценимой. Разделавшись с бандитом, Бондарь не придумал ничего лучше, чем вывезти журналистку в Россию и поселить ее у себя дома. Такого самовольства ему не простили. В ноябре Бондарь был понижен в должности и лишен представления к очередному званию. Разобидевшись на начальство,

он настроил рапорт и две недели назад уволился со службы. Теперь он находился не у дел и искал другую работу.

Очень кстати, как полагала Маргарита Марковна Морталюк.

Щусевич, подчинившись взмаху ее руки, выключил компьютер и застыл в ожидании новых распоряжений. На его лице не отражалось никаких эмоций, поскольку ороговевшая кожа препятствовала этому. Мимике Щусевича не позавидовал бы и аллигатор, а узкие смотровые щели, заменявшие ему глаза, были непроницаемы. Тем не менее Морталюк заметила нехорошие огоньки, промелькнувшие там, и высокомерно осведомилась:

– В чем дело? Ты чем-то недоволен, Юрасик? Как прикажешь это понимать? По-моему, ты сам предложил кандидатуру Бондаря.

– Это было до того, как я ознакомился с его личным делом, – процедил Щусевич, почти не разжимая челюстей.

– У тебя болят зубы? – Морталюк прищурилась. – Нет? Тогда изволь изъясняться членораздельно и ясно. Что тебя не устраивает в личном деле Бондаря? По-моему, очень даже впечатляющий послужной список.

– Даже чересчур.

– Не поняла.

– Все очень просто, – заторопился Щусевич. – Капитан проявил завидную выносливость, но всему есть предел. Он исчерпал свои силы. Чтобы восстановить их, Бондарю необходим длительный отдых. Этот парень не машина, не киношный Джеймс Бонд, все трюки за которого проделывают дублеры. – Щусевич покачал головой. – Людей нельзя эксплуатировать столь нещадным образом, нельзя заставлять работать на износ.

– Почему? – искренне удивилась Морталюк.

– Потому что возможности человеческого организма ограничены. Очень может быть, что с Лубянки Бондаря поперли именно по этой причине. Пф-ф! – Смешок, который издал Щусевич, прозвучал почти неприлично. – Несвоевременный роман с грузинкой послужил лишь поводом, – продолжал он. – На самом деле Бондарь просто-напросто потерял нюх и хватку. Обычная история. – Щусевич фыркнул снова. – Даже самый преданный служебный пес не застрахован от пинка под зад.

Лицо Морталюк исказила злобная гримаса, отчего сходство с Мэрилин Монро мгновенно испарилось, как будто его никогда не было. Это длилось недолго. В следующую секунду накрашенные губы Морталюк сложились в улыбку, от которой у Щусевича похолодели виски.

– А вот мы сейчас проверим твою теорию, Юрасик, – донеслось до него сквозь шум в голове. – И насчет возможностей человеческого организма, и насчет пинка в зад, от которого не застрахован ни один верный пес. Распорядись пригласить сюда Бондаря. Надеюсь, мы не зря уделили так много времени рассмотрению его кандидатуры. И ты тоже надейся, Юрасик. – Улыбка Морталюк сделалась зловещей и многообещающей. – Кому-кому, а тебе отлично известно, как я отношусь к людям, которые пытаются морочить мне голову. Между прочим, пинок под зад – не самый плохой финал служебной карьеры. Согласен со мной?

– Да. – С одной стороны, Щусевич подозревал, что столь лаконичный ответ может не понравиться хозяйке. С другой стороны, его голосовые связки были способны издавать лишь односложные звуки. Откашлявшись, он повторил громче: – Да.

– Вот и отлично, – милостиво кивнула Морталюк. – Будем надеяться вместе. Мы ведь всегда были единомышленниками, верно?

– Да.

– Не слышу уверенности в твоем тоне.

– Да, Маргарита... – Щусевич провел платком по взмокшему лбу и добавил: – Маргарита Марковна.

– А вот китайских церемоний не надо, – строго произнесла Морталюк. – Мы с тобой по-прежнему на «ты», поскольку остаемся партнерами и единомышленниками...

«Пока», – мысленно завершил фразу Щусевич.

Чего ему больше всего хотелось в данный момент, так это очутиться где-нибудь далеко-далеко, может быть, даже на другой планете или в ином измерении. Но поскольку чудес на свете не бывает, то оставалось уповать на то, что капитан Бондарь не обманет ожиданий хозяйки. И, когда он вошел в конференц-зал, Щусевич впился в него изучающим взглядом.

Глава 5, ***начинающаяся в атмосфере почти семейной идиллии,*** ***а заканчивающаяся тем, чем заканчиваются*** ***любые идиллии: досадой и разочарованием***

За два с половиной часа до знакомства с копией Мэрилин Монро Бондарь привычно любовался совсем другой женщиной, являвшейся полной противоположностью надменной белокурой красавице.

Тамара Галишвили была не просто грузинкой, она была *настоящей грузинкой*, при взгляде на которую мужчины невольно задавались вопросом: а так ли уж хороши все эти пухлогубые блондинки с васильковыми глазами, откровенно кичащиеся своей внешностью?

Быстроглазая, стройная, черноволосая, полная грациозного достоинства и тщательно скрываемой чувственности, Тамара принадлежала к тому типу женщин, которые не вызывают пресыщения. Бондарю ее всегда чуточку не хватало – и в разлуке, и при самой тесной близости, которая только возможна между мужчиной и женщиной. Она была вулканом, то дремлющим, то внезапно просыпающимся, и всякий раз, когда кипящая лава страстей выплескивалась наружу, это вызывало потрясение, поскольку в остальное время поведение Тамары отличалось горделивой сдержанностью.

Прежде Бондарю никогда не приходилось иметь дело с женщиной, которая бы отворачивалась от него первой. Тамара же спешила уткнуться лицом в подушку, стыдясь бурного проявления эмоций, во время которого она совершенно не контролировала себя. Стоило положить ладонь на ее разгоряченное тело, как она чуть ли не плача просила оставить ее в покое, причитая: «Не надо, ты же видишь, я умираю, я всякий раз умираю, я теряю голову и схожу с ума». Если Бондарь не убирал руку, то минуту спустя Тамара вновь забывала обо всем и была готова начать все сначала. Чаще всего именно так и происходило. Что не мешало обоим просыпаться полными сил и бодрости, словно их близость являлась чем-то вроде подключения к неиссякаемому источнику энергии.

По утрам Тамара была неизменно свежей и приветливой, отчего при любой погоде казалось, будто квартира озарена солнцем. Она ни разу не задала тех дурацких вопросов, которыми женщины постоянно терзают своих мужей и любовников:

Ты меня любишь? Тебе со мной хорошо? Ты меня никогда не бросишь?

Бесконечными признаниями в собственной любви и преданности Тамара тоже не документала, предпочитая не говорить, а действовать. Квартира Бондаря и прежде содержалась в идеальном порядке, но с появлением новой хозяйки все тут буквально засияло и засверкало чистотой. Не той стерильной чистотой, которую можно увидеть в операционных или музеях. Домашней. Пронизанной теплом и светом. Насыщенной аппетитными запахами, струящимися из кухни.

Не раз и не два Бондарь ловил себя на мысли, что в лице Тамары он нашел женщину своей мечты. Она оказалась феей. Доброй волшебницей. Ангелом-хранителем домашнего очага, угасшего, когда Бондарь лишился жены и сына.

Сразу после похорон он постарался вывезти из квартиры все, что напоминало ему о прежней семейной жизни. Пустота и тишина надолго окружили его, однако жить в квартире, превратившейся в склеп, оказалось еще труднее, чем мириться с призраками. Возвращаясь домой, Бондарь ощущал себя погребенным заживо, и лишь с появлением Тамары мир начал обретать прежние яркие краски.

Понимая его состояние, она не только сделала косметический ремонт, но и обставила квартиру стилизованной под модерн семидесятых мебелью, угрожав на это все сбережения Бондаря. Он не возражал. Интерьер пришелся ему по душе, поскольку Тамиными стараниями жилище превратилось в подобие маленькой крепости, способной выдержать бешеный напор времени.

Усаживаясь в старомодное кресло под зеленым торшером, Бондарь словно переносился в прошлое, насыщенное светлыми детскими воспоминаниями. Для полноты иллюзии достаточно было взять в руки альбом карикатур Херлуфа Бидструпа или распадающийся томик Герберта Уэллса. Так Бондарь с Тамарой и поступали, когда их мучило от головокружительной карусели повседневности. Квартира была их совместной машиной времени. Островком среди житейских бурь. Заповедником простых человеческих отношений, построенных на взаимной любви, а не на обоюдной выгоде.

Несмотря на вполне современную обстановку кухни, здесь царила точно такая же бесхитростная атмосфера. Поглядывая на Тамару, Бондарь спрашивал себя, как долго продлится эта идиллия, и надеялся, что больше никогда не останется один.

Тем не менее по выражению его лица никто не заподозрил бы, что этот человек способен предаваться сентиментальным размышлениям. Бондарь был гладко выбрит, тщательно причесан, собран, холоден и подчеркнуто невозмутим. Намечался непростой разговор, в ходе которого Тамара могла почувствовать слабость Бондаря. Женщина никогда не упустит случая воспользоваться своим преимуществом. Следовательно, она не должна даже догадываться о колебаниях в душе мужчины.

– Скоро? – спросил Бондарь, бросая красноречивый взгляд на часы. – Поздние завтраки – привилегия аристократии и богемы. Лично я предпочитаю садиться за стол не позже восьми. – Коротко усмехнувшись, он уточнил: – Утра, конечно.

– Хорошо, что напомнил. – Тамарина улыбка была такой же мимолетной. – Иначе завтракать пришлось бы в ужин. – Не делая ни одного неловкого или лишнего движения, она принялась выставлять на стол сковороду, тарелки и чашки.

Лязганье раскладываемых на скатерти вилок было непривычно резким, словно некие фехтовальщики несколько раз скрестили шпаги, пробуя силы перед поединком. Похоже, Тамара уловила напряжение, незримо витавшее в воздухе. Неотвратимость предстоящего выяснения отношений угнетала Бондаря, но отказываться от задуманного он не собирался.

Семейный очаг нужен для того, чтобы было куда возвращаться из странствий и походов. Торчать подле него до скончания века скучно и обидно. Даже на пару с любимой.

* * *

– Гренки с сыром, гм... – Бондарь с сомнением нахмурился. – Вообще-то я предпочел бы бифштекс под беарнским соусом.

– Я тоже, – притворно вздохнула Тамара. – Но к бифштексу под беарнским соусом принято подавать розовое «Клико», а у нас есть только «Боллинджер». Даже не знаю, как быть.

Это было произнесено таким светским тоном, что губы Бондаря непроизвольно расплылись в улыбке.

– Никуда не годится, – заявил он, хрустя поджаренным хлебом. – Неужели так трудно позаботиться о том, чтобы в доме никогда не переводилось старое доброе «Клико»? И потом, что за манера являться к столу в затрапезном халате?

Тамара успела привыкнуть к подначкам Бондаря, но шутка про халат ей не понравилась.

– Разве у нас романтический ужин? – сухо осведомилась она, вместо того чтобы подыграть Бондарю.

– А разве завтрак не может быть романтическим? – удивился он в свою очередь.

– При свечах?

– Свечи – дело десятое. Главное, чтобы при параде.

– Довольно странно слышать такие речи от субъекта в потертых джинсах и линялой футболке, – заметила Тамара, обращаясь почему-то к противоположной стенке, а не к сидящему рядом Бондарю. – Но если этот субъект настаивает, то придется взяться за обновление гардероба. Вот куплю себе шикарное вечернее платье долларов эдак за шестьсот, – обещание было произнесено с угрозой, – тогда посмотрим, что запоют некоторые любители романтики.

Пригубив ледяное молоко из чашки, Бондарь качнул головой:

– Ничего они не запоют. Онемеют от восторга и лишатся дара речи.

– В таком случае обойдусь без вечернего платья, – заулыбалась Тамара. – От тебя и так нежных слов не дождешься, а как быть, если ты действительно онемеешь?

– Н-да, – смутился Бондарь, – насчет комплиментов я действительно того...

– Я не о комплиментах говорю, а о нежных словах. Неужели ты не знаешь ни одного?

– Почему же не знаю.

– Тогда скажи, – потребовала Тамара.

– Ну... Ты мне подходишь, – выдал из себя Бондарь. – Годится?

– И это все, на что ты способен?

– Ты, гм... хорошая.

– С ума сойти, какое красноречие! – воскликнула Тамара.

Тон был язвительным, однако услышанное явно пришлось ей по вкусу. Чтобы понять это, достаточно было заглянуть Тамаре в глаза, но Бондарь упорно смотрел в сторону. Он умел многое, но проявлять искренние чувства ему было трудно. Другое дело – играть разнообразные роли. Чему-чему, а этому его в ФСБ обучили на славу, хоть на сцене выступай. Правда, Тамара была не тем человеком, перед которым Бондарю хотелось притворяться.

– Чем богаты, тем и рады, – буркнул он, уткнувшись в чашку.

– А вот другие мужчины не упускают случая сказать даме что-нибудь приятное, – поддразнила его Тамара. – Всякий раз, когда я появляюсь в редакции, они делают стойку и засыпают меня массой предложений.

– Лучше бы деньгами засыпали, – обронил Бондарь.

– За этим дело не станет. У меня заказ на цикл статей в «Пи-Генерейшн». Это журнал такой, гламурный до невозможности.

– Дурацкое название.

– Зато авторам платят по высшему разряду. – По идее, Тамаре следовало объявить об этом со счастливой улыбкой на устах, но она по непонятной причине погрустнела. – Редактор журнала – модный писатель, завсегдатей тусовок и большой знаток наркокультуры. Расхаживает повсюду в больших черных очках, а когда беседует с сотрудниками, прикрывает руками нижнюю часть лица.

– Зачем? – вскинул взгляд Бондарь. – Он боится подхватить какую-нибудь инфекцию? Или, наоборот, не хочет заразить сотрудников?

– Просто ему нравится напускать туману, – пояснила Тамара. – Он помешан на всяческих тайных доктринах и секретных службах. Колонка, которую я веду, называется «Лицензия 007».

– Что это значит?

– Журнал рекламирует те же самые товары, которые постоянно мелькают в фильмах про агента ноль-ноль семь, – сказала Тамара, разливая остатки молока по чашкам. – Оружие, напитки, часы, зажигалки, костюмы, галстуки и одеколоны. Вся та ерунда, которая якобы предназначена для настоящих мужчин.

– Откуда тебе знать, что нужно настоящим мужчинам? – удивился Бондарь.

– О, я теперь настоящий эксперт в этих вопросах, – похвасталась Тамара. – Взять, к примеру, автомобили, на которых разъезжает Джеймс Бонд. Ты видел фильм «Только для ваших глаз»?

– Господь миловал.

– Между прочим, увлекательное зрелище. Там фигурирует белый «Lotus Esprit Turbo», оборудованный не только сенсорами, улавливающими различные вибрации, но и системой самоуничтожения. Бац, и нет больше «Лотуса».

– Наверное, герою это пришлось не по душе, – предположил Бондарь. – Насколько мне известно, суперагенты стараются пореже ходить пешком, чтобы не стоптать свои замечательные туфли со стилетами в каблуках.

– За них не беспокойся, – засмеялась Тамара. – Они меняют машины как перчатки. Взамен «Лотуса» герой получил «Ситроен», на котором удрал от пары здоровенных «Мерседесов».

– Что-что? На «Ситроене»? От «Мерседесов»?

– Со свистом. Правда, в ходе этой драматической погони французский автомобильчик постоянно кувыркался, становился на два колеса, а в конце концов и вовсе хлопнулся на крышу догонявшего «мерса». – Тамара показала руками, как это выглядело.

– Но эта жестянка расплющилась бы! – возмутился Бондарь.

– Естественно. Поэтому на съемках задействовали четыре идентичных автомобиля, оснащенных усиленными шасси и моторами.

– В общем, денег на *бондомобили* не жалеют.

– Как ты сказал? – насторожилась Тамара.

– *Бондомобили*, – повторил Бондарь.

– Отличный термин! Надо будет его использовать.

– На здоровье.

– Бондомобили, хм... Лучше названия не придумаешь. Это и в самом деле уникальные образцы. – Тамара слизнула капельки молока с верхней губы. – Бондомобиль непременно должен быть оснащен всевозможными техническими новинками. Реактивные ускорители, миниатюрные «стингеры» в противотуманных фарах, радиосканеры, лазеры, лыжи, крылья...

– Спутниковые системы слежения, – подхватил Бондарь, – радары, катапульты, тормозные парашюты... И вся эта начинка запросто уместается в полуспортивном «Остин-Мартине».

– Агент 007 давно пересел на «БМВ», – возразила Тамара. – Начиная с фильма «Завтра не умрет никогда» эпопею щедро спонсируют баварцы, вот киношники и отрабатывают их денежки. Чего только они не напридумывали! Представь себе «БМВ», который не просто вооружен отравленными шипами и дисковой пилой из сверхпрочного титанового сплава, но и умеет разговаривать с владельцем чарующим женским голосом.

– Страшно подумать! – Бондарь поежился. – Циркулярная пила плюс женский голос – убийственное сочетание. Ездить в такой машине все равно что находиться под неусыпным надзором своей дражайшей половины.

– Ты меня имеешь в виду? – подозрительно спросила Тамара.

– Что ты! Твой голос мне никогда не надоедает. Насколько мне известно, ты не из тех женщин, которые пилят своих мужчин с утра до ночи.

– Учиться никогда не поздно.

– Это не тот случай, – решительно заявил Бондарь. – Я не намерен жениться на циркулярной пиле, какой бы привлекательной она ни была с виду.

– Что ты сказал? – Тамарин вопрос прозвучал почти одновременно со звоном разбитой чашки. – Жениться?

– Разумеется. Немного старомодно, но так уж я устроен.

– Это предложение?

– Ультиматум, – отрезал Бондарь. – Возражения не принимаются.

Все, на что оказалась способна Тамара, так это склониться над осколками чашки. «На счастье, – крутилось в ее низко опущенной голове, – на счастье, на счастье».

Ей не верилось, что это действительно так, но тем не менее она была почти счастлива.

* * *

После столь своеобразного предложения руки и сердца в кухне надолго воцарилась тишина, нарушаемая лишь звяканьем посуды. По традиции, Тамара готовила кофе, а это был достаточно ответственный процесс, чтобы отвлекаться на разговоры.

Разлив напиток по чашкам, она набрала чайную ложку сахара, добавила туда четырнадцать капель подогретого грузинского коньяка и подожгла. По кухне поплыл душистый карамельный аромат. Сидящий за столом Бондарь принялся машинально разминать сигарету, предвкушая момент, когда за обжигающим глотком кофе последует первая утренняя затяжка.

– Ты сегодня опять дома? – спросила Тамара, тщательно размешивая жженный сахар в чашке.

– Нет, – ответил Бондарь. – С этим покончено. Сколько можно торчать в четырех стенах?

– Все-таки решил вернуться на службу?

– По-твоему, я больше ни на что не гожусь?

– Наоборот, – поспешно произнесла Тамара, поджигая вторую порцию сахара. – Мне нравится, что ты работаешь в ФСБ.

– *Работал*, – буркнул Бондарь. Он не ожидал, что скользкая тема будет затронута раньше, чем ему позволят насладиться кофеином и никотином.

– Куда же ты собираешься? – тихо спросила Тамара. – Или это государственная тайна?

– У меня больше нет допуска к государственным тайнам. Меня выперли с Лубянки, пора бы к этому привыкнуть.

– Не получается.

– Почему?

– Для меня ты капитан Бондарь и всегда им останешься. – Тамара добавила в кофе немного взбитых сливок. – Тот самый капитан ФСБ, который однажды спас мне жизнь, материализовавшись из облака пыли и дыма.

– Давай без этой романтики, ну ее к чертям, – поморщился Бондарь.

– Романтика? Взорвать автоколонну с вооруженными до зубов жандармами – это, по-твоему, романтика?

– Все в прошлом, Тамара. Отныне я сугубо штатский и предельно законопослушный гражданин, чем очень даже доволен. Сколько можно мотаться по свету, совершая подвиги, за которые даже зарплату не всегда выдают вовремя? Надоело! Баста!

По завершении тирады Бондарь вставил сигарету в рот и так свирепо стиснул фильтр зубами, словно намеревался перекусить его пополам.

– Не могу представить тебя в роли домоседа, – сказала Тамара, высыпая в чашки с кофе шоколадные крошки.

– Кто сказал, что я собираюсь сидеть дома? – нахмурился Бондарь. – И вовсе даже нет. Сразу после завтрака я отправляюсь устраиваться на работу.

– Что за работа?

– Буду охранником при одной важной особе.

– Ты прошел предварительный отбор? – удивилась Тамара. – Почему же мне об этом ничего не известно?

– Отбор я пока не прошел, – признался Бондарь. – Сегодня собеседование, или, как это модно называть, интервью. – Он отхлебнул кофе, закурил и добавил: – Я обязан оказаться на высоте.

– Обязан?

Тамара, которая по обыкновению пила кофе вприкуску с чурчхелой из грецких орехов в застывшем виноградном соке, внимательно посмотрела на Бондаря.

– Должен, – поправился он.

– Это так важно для тебя?

Вместо того чтобы ответить, Бондарь втянул в себя кофейный аромат, сделал глоток и снова затянулся дымом, проявляя полнейшее равнодушие к теме. Имея за плечами огромный опыт оперативника Службы безопасности, он умел скрывать чувства, однако такую женщину, как Тамара, провести было трудно. Ее глаза неотрывно следили за Бондарем, анализируя каждое движение его лицевых мускулов, ее мозг регистрировал малейшие нюансы интонации, взвешивал услышанное и выделял главное из множества второстепенных деталей. Наконец Тамара сделала какой-то вывод и тихо произнесла:

– Женя, не надо со мной хитрить. Мы, грузинки, ужасные гордячки и не докапываемся до правды, когда подозреваем, что ее от нас скрывают. Но все же мне будет обидно, если ты начнешь темнить. Скажи честно, я это заслужила?

– Нет, – качнул головой Бондарь. Сигарета закончилась слишком быстро. Не зная, чем занять руки, он обхватил ими пустую чашку. На дне темнела кофейная гуща, напоминающая по форме волчью морду.

– Тогда, – предложила Тамара, – договаривай. Я ведь с раннего утра чувствую, как ты маешься.

– Я не маюсь!

– Еще как маешься! Хочешь мне что-то сказать, но не знаешь, с чего начать. Что-то случилось?

– А что могло случиться? – пожал плечами Бондарь. – Все нормально. Просто мне дали понять, что моя новая работа будет связана с длительными командировками. Не думаю, что это продлится долго, но...

– Так, – Тамара медленно встала, опираясь руками о стол. Это был непроизвольный жест человека, теряющего почву под ногами. Казалось, она вот-вот лишится чувств, так резко отхлынула кровь от ее лица. Тем не менее голос ее звучал ровно. – Ты противоречишь себе, Женя, – сказала она. – Как это *длительные* командировки могут продлиться *недолго*?

– Не придирайся к словам, – попросил Бондарь, вертя чашку так и эдак. Волчья морда на дне упорно не желала превращаться во что-нибудь другое.

– Когда ты уезжаешь? – спросила Тамара, найдя в себе силы распрямиться во весь рост и сцепить пальцы за спиной. Это была ее излюбленная поза, но сегодня она походила не на отличницу у школьной доски, а на партизанку, выведенную на расстрел.

– Точно не знаю, но думаю, что скоро, – ответил Бондарь, прикуривая новую сигарету. – Может быть, прямо сегодня, может, завтра или послезавтра.

– Намек поняла.

– Ничего ты не поняла. Это не моя прихоть. Должен же я как-то зарабатывать на жизнь, верно?

– *Как-то*, – повторила Тамара словечко. По-видимому, оно ей не понравилось. – Прежде я не замечала за тобой тяги охранять всяких важных персон, – сказала она. – Наоборот.

– Ты меня плохо знаешь, – заверил ее Бондарь.

– Ошибаешься. Я знаю тебя достаточно хорошо, чтобы отличить ложь от правды. – Тамара качнулась с пятки на носок. – Тут одно из двух. Либо ты по-прежнему служишь на Лубянке, но зачем-то скрываешь это от меня, либо...

– Либо?

– Либо ищешь повод со мной расстаться.

Лед отчуждения становился все прочнее, все толще. Бондарю казалось, что он общается с Тамарой сквозь прозрачную холодную перегородку. Слова доносятся, но смысл искажается до неузнаваемости.

– Ты так думаешь? – спросил он.

– Я в этом уверена, – отчеканила Тамара.

– Что я должен сделать, чтобы тебя переубедить? Заняться вязанием на дому? Освоить арфу и зарабатывать платными уроками?

– Поступай, как знаешь.

– Постой, – сказал Бондарь повернувшейся к нему спине.

Не произнеся ни слова, Тамара удалилась в комнату. Бондарь пошел за ней, проклиная себя и свою профессию. Ему хотелось сказать что-нибудь ласковое, но он не имел на это права. Выяснять отношения лучше сразу и до конца. Это как удалять пулю. Чем дольше тянешь, тем большее получается.

– Мы не договорили, – сухо произнес он, остановившись позади Тамары, уткнувшейся в окно. – Я не сказал главного.

Она не шелохнулась. Бросила тусклым голосом:

– Слушаю.

– Пока я буду находиться в отъезде, тебе лучше перебраться к родственникам, – хрипло начал Бондарь. – Насколько мне известно, у тебя в Москве хватает дядюшек и тетюшек.

– Ты как настоящий агент 007 с лицензией на убийство. – Тамара медленно повернулась. – Ты меня убиваешь, Женя. По-настоящему. Наповал.

– Пойми, люди, к которым я нанимаюсь, чрезвычайно опасны. Все может случиться. – Бондарь взял Тамару за плечи и слегка встряхнул ее, чтобы она не стояла перед ним мраморной статуей с белым неподвижным лицом. – Мне не хочется, чтобы в случае чего ты расплачивалась за мои промахи.

– Такие, как ты, никогда не промахиваются, Женя, – покачала головой Тамара. – У тебя такой взгляд, будто ты постоянно целишься. На этот раз в меня... Сюда. – Она прикоснулась к груди. – Неужели тебе до сих пор не ясно? Я здесь не только для того, чтобы делить с тобой стол и постель. Я осталась с тобой, чтобы разделить с тобой судьбу. – Она поморщилась. – Звучит высокопарно, но это действительно так. Если я тебе больше не нужна, скажи, и я уйду.

– Речь не об этом! – воскликнул Бондарь. – Это вынужденная мера. Временная. Находиться рядом с богатыми, очень богатыми людьми, все равно что переплывать реку с пираниями. Никогда не знаешь, чем это закончится. В таких случаях лучше подстраховаться. Одно дело рисковать собственной головой, а другое – подставлять любимых. Я не могу допустить, чтобы ты пострадала из-за меня.

– Это единственная причина, по которой я должна переселиться к родственникам? – спросила Тамара. Ее обычно бархатистый, влажный взгляд был тверд и сух.

– Да, – коротко кивнул Бондарь.

– В таком случае я остаюсь.

– Ты уезжаешь.

– Остаюсь!

– Не спорь!

– Буду!

Стало ясно, что переубедить Тамару не удастся. Оставался последний, жестокий вариант. Указать Тамаре на дверь и тем самым уберечь ее от опасностей, которые, по глубокому убеждению Бондаря, были не за горами. Он попытался сделать то, что должен был сделать, но не сумел. Все его существо противилось этому. Такие, как Тамара, не прощают оскорблений.

Уйдя сегодня, она уже никогда больше не вернется. А Бондарь не мыслил без нее жизни. Он слишком привык к новой жизни. Размяк, как пластилин на солнце.

– Черт с тобой, – буркнул Бондарь, сопровождая свои слова раздраженным взмахом руки. – Оставайся. Но не надейся, что я откажусь от работы и буду сидеть подле твоей юбки.

– Я не надеюсь, – тихо произнесла Тамара. – Но все-таки не бросай меня одну надолго, ладно? Иначе я умру.

– Прикуси язык, – бросил Бондарь, направляясь в спальню.

Тамара была слишком обессилена спором, чтобы последовать совету. Она не прикусила язык, а доплелась до дивана и упала на него, чувствуя себя совершенно разбитой и опустошенной. Знала бы она, что кто-то там, наверху, где вершатся человеческие судьбы, услышал ее последние слова и взял их на заметку...

Глава 6, *в которой грубо попираются нормы трудового законодательства Российской Федерации*

Маргарита Марковна Морталюк откинулась на спинку кресла и прищурилась, разглядывая вошедшего. Он оказался выше, чем она ожидала. Причиной тому была подчеркнута прямая осанка и свободно развернутые плечи Бондаря. Остановившись на пороге, он смотрел куда-то поверх голов сидящих за столом. Его руки свободно свисали вниз, свидетельствуя о том, что их обладатель не испытывает ни волнения, ни чувства неловкости. Он не переминался с ноги на ногу, не покашливал и не делал лишних движений. Молча стоял. Молча ждал. Достаточно было присмотреться к его лицу, чтобы понять: этот человек не привык суетиться или заискивать.

– Подойдите, пожалуйста, ближе, – доброжелательно сказала Морталюк, сопровождая приглашение манящим движением пальца. – Сколько вам лет?

– Двадцать семь, – ответил Бондарь, делая два шага вперед.

В его серо-голубых глазах не промелькнуло ни тени смущения, когда Щусевич поспешил уличить его во лжи:

– Неправда! Вам уже за тридцать, Евгений Николаевич!

– Зачем спрашиваете, если знаете? – Бондарь пожал плечами.

– Откуда вам известно, что мы знаем, а что нет? – запальчиво спросил Щусевич. Внешне напоминая жуткого монстра, он вел себя как мальчишка.

Бондарь удостоил его долгого задумчивого взгляда, после чего неохотно разжал губы:

– У вас ведь не какая-нибудь шарашкина контора, а солидная фирма. Без тщательной проверки вы даже шофера на работу не принимаете, не то что сотрудников секьюрити.

– Наводили справки? – полюбопытствовала Морталюк.

– Так же, как и вы, – невозмутимо ответил Бондарь.

– По своим фээсбэшным каналам?

– По своим бывшим фээсбэшным каналам.

– И много удалось накопать?

– Достаточно, чтобы убедиться, что вы мне подходите.

– Ого! – вскричал ерзающий в кресле Щусевич. – Мы ему подходим, ты слышала, Марго? А он нам?

– Полагаю, что да, – сказал Бондарь. – Вам нужен хороший специалист с соответствующими навыками и опытом.

– А вам? – осведомилась Морталюк. – Что вам нужно, Евгений Николаевич?

– Хороший и стабильный заработок, Маргарита Марковна. Причем очень хороший. – Бондарь позволил себе полуулыбку, однако его подбородок, помеченный горизонтальным шрамом, оставался надменно приподнятым, а глаза не излучали ничего, кроме арктического холода. – Дело в том, что я не собираюсь работать на кого-либо до старости. Год, от силы два. За это время я должен скопить достаточно денег, чтобы больше никогда не наниматься на службу.

– Вы не любите работать? – изобразила удивление Морталюк.

– Не больше, чем любой из присутствующих, – уклончиво ответил Бондарь.

– Мне не нужны лентяи.

– Не думаю, что в этой комнате есть хотя бы один лентяй.

– Ого! – повторился Щусевич.

– Вы держитесь слишком самоуверенно, – заметила Морталюк. – Не боитесь, что наше собеседование закончится прямо сейчас?

– Нет, – просто ответил Бондарь. – У меня много других вариантов.

– У нас тоже, – вставил Щусевич.

– Вы даже представить себе не можете, сколько отставных офицеров претендуют на тепленькое местечко, – поддержала помощника Морталюк. – Из разведки, из спецподразделений, из вашей конторы. Государство вас не ценит по достоинству. Оно бросило вас на произвол судьбы.

– Государству виднее, – пожал плечами Бондарь.

– С вашим послужным списком, – продолжала Морталюк, – вы могли бы сделать блестящую карьеру...

– Где угодно, кроме этой богом проклятой страны, – квакнул Щусевич.

– Я не карьерист, – сказал Бондарь. – Прежде у меня имелись кое-какие идеалы и принципы, но к настоящему моменту они отброшены за ненадобностью. Можете считать меня прагматиком и циником, меня это не колышет. Я хочу обеспеченной жизни. Любой ценой.

– Отрадно слышать, – улыбнулась Морталюк. – Но я тоже прагматик и циник, поэтому плачу деньги только за то, что того стоит. Что вы умеете, Евгений Николаевич?

– Все, что должен уметь сотрудник контрразведки ФСБ, – ответил Бондарь. – Поверьте на слово, Маргарита Марковна, этого более чем достаточно.

– Я никогда не верю на слово. Никогда и никому.

– Разумно.

– Конечно, – чопорно произнесла Морталюк. – Если вы наводили обо мне справки, то должны знать, что я всегда поступаю разумно. – Она задумчиво посмотрела на хрустальный мундштук, который вертела в пальцах. – Поэтому мы поступим следующим образом. Сейчас я позову сюда своих секьюрити и велю им выдворить вас отсюда. – Взгляд Морталюк преисполнился издевки. – Очутившись за порогом, вы больше никогда его не переступите, Евгений Николаевич. Таким образом, дальнейшее зависит от вас. Проявите себя с лучшей стороны.

– А мы поглядим, какой вы секретный агент, – подал реплику Щусевич. – Гонор и профессионализм – совершенно разные понятия.

– Это вы верно подметили. – Голос Бондаря звучал подчеркнуто ровно. – Терпеть не могу гонористых.

Судя по всему, он был готов добавить к сказанному еще пару слов, но тут Морталюк нажала специальную кнопку вызова на своем телефоне. Дверь распахнулась. Разговоры закончились.

* * *

Шахов и Добрынин проработали в охране Морталюк достаточно долго, чтобы относиться к своим обязанностям с полной ответственностью. Оба поддерживали отличную физическую форму, постоянно практиковались в стрельбе и рукопашном бое, почти не употребляли спиртного и приучились держать язык за зубами, а зубы – крепко сжатыми.

Шахов был года на четыре старше напарника и несколько грузноват, но ни помолодеть, ни сбросить лишний вес у него не получалось. Порой он задумывался о том, чем станет заниматься, когда окончательно постареет и обрюзгнет, но никаких блестящих перспектив перед ним не открывалось. Из-за этого Шахов был человеком раздражительным и желчным, но случались моменты, когда он разительно преображался. Перехватив многозначительный хозяйский взгляд, устремленный на Бондаря, он моментально повеселел. Не так давно ему случилось вывихнуть плечевой сустав одному назойливому репортеру, и воспоминания о том, как визжал этот болван, были Шахову все равно что бальзам на душу.

– Выведите его отсюда, да не церемоньтесь, – распорядилась Морталюк, указав мундштуком на Бондаря. – Станет сопротивляться, калечьте.

«Йес, мэм», – ответил мысленно Добрынин, вынимая из уха проводок телесного цвета.
– Сделаем, – солидно произнес он вслух.

Его тайной страстью были боевики, любые боевики, хоть иностранные, хоть отечественные, хотя, конечно, голливудская продукция нравилась Добрынину больше. Он был готов смотреть кино сутками напролет, методично перемалывая челюстями орешки, чипсы или ржаные сухарики. Невольно подражая своим героям, Добрынин приучился отвечать на вопросы коротко и односложно, а сам вопросов никому не задавал, поскольку ничто его, собственно, и не интересовало. Подружки говорили Добрынину, что он немного похож на Нео из «Матрицы», но дело было не столько во внешнем сходстве, сколько во внутреннем. Добрынинская душа обладала отзывчивостью мороженого хека, и взгляд его глаз был соответствующим. Если бы Бондарю захотелось посмотреть в эти глаза, он не прочел бы там ничего, кроме бесстрастной готовности выполнять любые хозяйские приказы.

Но Бондарю было начхать на Добрынина. На Шахова ему было тоже начхать. Он продолжал стоять к ним спиной. Более того, его поза сделалась не просто расслабленной, а совсем уж нелепой. Опершись обеими руками на никелированные спинки двух стульев, Бондарь подался вперед, чтобы укоризненно сказать Морталюк:

– Поступая таким образом, вы нарушаете Трудовой кодекс, Маргарита Марковна. Странное у нас получается собеседование.

Шахов и Добрынин одновременно шагнули вперед. Они не суетились, не спешили. Им представилась отличная возможность проявить свою преданность и исполнительность, поэтому обоим хотелось выполнить приказ как можно эффективнее. Шахов примеривался к пояснице наклонившегося Бондаря, решив для начала отбить ему почки. Добрынин представлял себе, как проделает удушающий захват с разворотом головы противника на девяносто градусов. Подмывало его также пнуть коленом обращенный к нему зад, однако это смахивало бы на мальчишество.

Морталюк, уловившая в голосе Бондаря нотки зарождающейся паники, ослепительно улыбнулась. Их разделяла подкова стола, так что дотянуться до нее Бондарь никак не мог. Сзади к нему приближались охранники, каждый из которых представлял собой ходячую гору мускулистого мяса, снабженного некоторым количеством мозгового вещества. Морталюк уже предвкушала, как охранники собьют спесь с капитана Бондаря, позволившего себе беседовать с ней почти в хамском тоне. Она ценила мужскую красоту, однако в первую очередь отдавала должное мужской силе. Перед ее мысленным взором промелькнули забавные картинки:

...вот капитана хватают за шкуру и волокут к двери, а он, моментально растерявший все свое самомнение, тщетно пытается вырваться из крепких рук охранников, умоляя Морталюк отменить приказ...

...а вот его, растрепанного и жалкого, с рубахой, выпроставшейся из брюк, выталкивают прочь, подгоняя пинками и затрещинами...

...уцепившись за дверь, он хочет сказать что-то напоследок, но вылетает из зала, как пробка от шампанского...

Ничего подобного не произошло. Морталюк, вставлявшая сигарету в мундштук, замерла, некрасиво открыв рот. Щусевич издал нечленораздельный звук, словно на его шее затянули невидимую удавку.

Силуэт Бондаря сделался размытым и прозрачным, так стремительно он крутнулся на месте. Разворачиваясь лицом к охранникам, он подхватил стулья, за спинки которых держался. Выпущенные из рук, они взмыли в воздух, одновременно достигнув каждый своей цели.

Добрынин, проявивший завидную прыть, умудрился отреагировать на внезапную атаку. Его правая рука не только скользнула под пиджак, но и коснулась рифленой рукоятки пистолета. А вот порадоваться собственной ловкости Добрынин не успел. Сбитый стулом с ног, он,

подобно девяностокилограммовой кегле, опрокинулся на пол, после чего в сознании его случился временный сбой.

Его менее подвижный напарник, не мудрствуя лукаво, выставил перед собой руки и поймал стул за ножки, слегка ушибив при этом пальцы. Избавиться от мешающего предмета Шахову было не суждено.

Чтобы преодолеть четыре метра, отделяющие его от охранника, Бондарю понадобилось два прыжка, а чтобы завершить начатое – всего один расчетливый удар. Не тратя времени на сжимание кулака, он поддел шаховский подбородок основанием ладони.

Клац! От зубодробительного удара у Шахова мозги встали набекрень. Ему показалось, что голова слетела с плеч долой и покатилась по залу, окруженная россыпями искр. Разумеется, никаких искр не было. То грюканье, которое доносилось до Шахова, производила не его голова, а выроненный стул.

Сам Шахов сидел на полу, бессмысленно уставившись в темноту, ступившуюся перед глазами.

– Продолжать? – прозвучало в его ушах.

Он понятия не имел, кто задал этот вопрос, точно так же, как не сообразил, кому принадлежит голос, произнесший:

– Не стоит, Евгений Николаевич. Будем считать, что первый отборочный тур вы выдержали. Приступим ко второму?

* * *

Когда горе-охранников увели, а стулья были водворены на место, Бондарь без приглашения опустился на один из них и вопросительно посмотрел на госпожу Морталюк:

– Что дальше? По правде говоря, подобные аттракционы меня не вдохновляют. – Бондарь поморщился. – Служба охраны у вас никудышная, Маргарита Марковна. Вашим секьюрити вагоны бы разгружать или в носильщики на вокзал податься. Там им самое место.

– Я обдумаю ваше замечание, – усмехнулась Морталюк, и что-то в ее взгляде подсказало Бондарю: карьера парней в качестве охранников завершена.

Ему их жалко не было. Он и в самом деле полагал, что здоровым молодым людям негоже выполнять роль денщиков при капризных бизнес-леди. Может быть, благодаря сегодняшнему конфузу они подыщут себе более достойное занятие?

«А вот мне придется побыть у Морталюк на побегушках, – мрачно подумал Бондарь. – Никуда от этого не деться. Характер я уже показал, но перегибать палку нельзя. Как бы эта сука ни уважала чужую силу, а чересчур независимых людей она рядом с собой не потерпит».

Прежде чем заговорить, Бондарь улыбнулся той слегка смущенной улыбкой, которая неоднократно отрабатывалась им перед зеркалом наряду с другими выражениями лица, пригодными для любых случаев в жизни. Все это были лишь маски, надеваемые в зависимости от ситуации. У хорошего контрразведчика их превеликое множество. Дерзкий Бондарь, самоуверенный Бондарь, а теперь вот – виноватый Бондарь.

– Не хочу кривить перед вами душой, – сказал он. – Можно начистоту?

– *Нужно* начистоту, – поправил его Щусевич, лгавший столь часто и охотно, что порой затруднялся отличить вымышленные факты своей биографии от тех, которые действительно имели место.

– Я изо всех сил старался не ударить лицом в грязь, – продолжал Бондарь, – но, кажется, переусердствовал. – Он посмотрел в глаза Морталюк, после чего уставился в пол. – Просто мне никогда не доводилось зависеть от женщины... пусть даже красивой женщины. – Его голос звучал все глуше и глуше. – Это задевает мое мужское самолюбие. Мне трудно вести себя адекватно.

– Придется научиться, если хотите у нас работать, – заявил Щусевич, промокая платком уголки глаз.

– Помолчи, Юрасик, – одернула его Морталюк. – Ее испытующий взгляд, устремленный на Бондаря, потеплел. – Самолюбие вещь хорошая, без него в наше время никуда. Однако контролировать его надо. Разве вас не обучали этому в Академии ФСБ?

– Обычно у меня получается сдерживать эмоции. – Бондарь сменил виноватую интонацию на доверительную. – Сам не понимаю, что вдруг на меня накатило... Можно вопрос?..

– Только один. – Морталюк посмотрела на часы.

– Меня преследует ощущение, что я вас раньше где-то видел. Глупо, конечно, но... Вы никогда не снимались в кино, Маргарита Марковна?

– Нет.

– Вы похожи на какую-то знаменитую актрису.

– Неужели?

– Вспомнил! – Бондарь хлопнул себя по лбу, отчего вид у него сделался совершенно простецким. – Эти кадры часто крутят по телевизору. Вы стоите над вентиляционной решеткой, снизу дует, вы придерживаете платье обеими руками и улыбаетесь, провокационно так... Правда, в жизни вы гораздо красивее, чем в кино.

– Лстец, – улыбнулась Морталюк, отчего ее сходство с Мэрилин Монро только усилилось. Только это была не настоящая Мэрилин Монро. Такая же фальшивая, как та, которую изобразил на своем знаменитом полотне Энди Уорхолл. – Спасибо за комплимент, но я в них не нуждаюсь. – Губы Морталюк по-прежнему улыбались, хотя глаза ее превратились в две льдинки. – Чем вешать мне лапшу на уши, лучше попробуйте отгадать, почему в деловых кругах меня прозвали Леди М?

Бондарь задумчиво поскреб подбородок:

– Понятия не имею.

– А вы напрягите воображение, Евгений Николаевич.

– Ну... Ваша фамилия начинается с буквы «М». Мэрилин Монро тоже называли по инициалам: Эм-эм.

– У меня специфическая фамилия, – важно произнесла Морталюк, прикуривая от поднесенной помощником зажигалки. – Конкуренты это давно заметили.

– Можно? – Бондарь достал пачку «Монте– Карло» и приподнял брови, ожидая ответа.

– Нельзя.

– В присутствии Маргариты Марковны не курят, – строго произнес Щусевич.

– Здоровее буду. – Бондарь спрятал сигареты в карман пиджака. – Так что насчет вашей фамилии? – Он снова взглянул на Морталюк. – В чем ее особенность?

Выпустив дым через нос, она пояснила:

– «Mortale» в переводе с латыни означает «смертельный».

– Сальто-мортале, – закивал Бондарь. – Я должен был сообразить с самого начала.

– Ничего страшного, – успокоила его Морталюк. – Теперь вы знаете, почему меня называют Леди М, а значит, недоразумений быть не должно. – Она выпустила вверх аккуратное дымное кольцо, трансформировавшееся в сердечко. – Вы очень своевременно упомянули сальто-мортале, поскольку покувыркаться вам придется на славу. – Морталюк повернулась к Щусевичу. – Пригласи-ка, дружок, Чена. Тут прозвучала резкая критика в адрес нашей службы безопасности, я просто обязана отреагировать. – Она одарила Бондаря многообещающей улыбкой. – Рядовые охранники проявили себя не лучшим образом и будут примерно наказаны, но... – В воздухе растворилось еще одно голубоватое кольцо. – Но Евгений Николаевич рано-рано торжествует победу.

– Я не торжествую, – возразил Бондарь.

– И правильно делаете, – произнесла Морталюк. Одобрение и угроза смешались в этой фразе в равных пропорциях.

Глава 7, ***утверждающая, что некоторые мужчины*** ***носят галстуки на шее не только в качестве*** ***элегантного украшения, а оздоравливающий массаж*** ***порой не способствует восстановлению сил***

Чен оказался изящным стройным молодым человеком азиатской наружности. Сочетание делового костюма и длинных черных волос выглядело немного комично, но лишь до тех пор, пока Бондарь не разглядел выражение узких глаз, обрамленных припухшими веками без ресниц. Там таились непостижимые европейскому разуму фанатизм и отрешенность. При этом глаза были столь пустыми, тусклыми и неподвижными, как будто Чен позаимствовал их в морге.

Поприветствовав госпожу церемонным полупоклоном, он бесшумно приблизился к столу и остановился в полуметре от сидящего Бондаря. От Чена не исходило ни гнева, ни недоброжелательности, но во всем его облике угадывалось нечто злое, безжалостное, не поддающееся обычной логике. Бондарь почувствовал себя так, словно очутился в опасной близости от кобры, кровь которой холодна, а действия стремительны и непредсказуемы. Костюм смотрелся на Чене, как змеиная кожа, а прямые волосы до плеч заставляли вспомнить старые вестерны про кровожадных индейцев, любивших наряжаться в одежду убитых врагов. Для полного сходства не хватало лишь котелка или перчаток.

– Чен – чистокровный кореец, – пояснила Морталюк, откровенно наслаждаясь ситуацией. – Мое ходячее тайное оружие. Вокзальный носильщик из него вряд ли получится, но боец он отменный. – Она повернулась к Щусевичу. – Возможно, я рассуждаю как дилетант. Возможно, Евгений Николаевич снова скажет, что мои охранники никуда не годятся.

– Если не лишится дара речи, – угодливо хохотнул лакей Леди М.

Бондарь с трудом подавил желание перемахнуть через стол и заставить Щусевича заткнуться, разукрасив ему физиономию так, чтобы нынешний облик уroda запомнился всем как вполне симпатичный.

Кровь стучала в висках Бондаря. Это был крах, полное поражение. Появление Чена спутало ему все карты. Не имело значения, к какой школе восточных единоборств он принадлежит. В любом случае кореец был опытейшим бойцом: это было видно по его манере держаться, по ороговевшим костяшкам пальцев, по бесстрастному взгляду, успевшему оценить вероятного противника. Сколько секунд продержится Бондарь, если прозвучит команда «фас»? Пять? Десять? Пятнадцать?

– У вас есть возможность признать свое поражение прямо сейчас, – донесся до Бондаря насмешливый голос Морталюк. – Стоит ли доводить дело до крайности?

Он сфокусировал взгляд на ее лице, стремясь проникнуть в тайные мысли женщины, гордящейся своей «убийственной» репутацией в деловых кругах. Прежде чем отправиться на собеседование, Бондарь тщательнейшим образом изучил ее досье и не нашел почти никаких сведений о личной жизни Маргариты Марковны. Создавалось такое впечатление, что ее главное увлечение – бизнес, бизнес и еще раз бизнес. Она не была завсегдатаем великосветских раутов и модных тусовок, не каталась на яхте с загорелыми мускулистыми юношами, не заводила романов со знаменитостями. С другой стороны, верной женой, любящей матерью или хотя бы хранительницей семейного очага Морталюк тоже не являлась: ее муж и двенадцатилетняя дочь находились в своеобразной ссылке в Англии, откуда практически никуда не выезжали,

в то время как сама она постоянно перемещалась по свету, не проявляя привязанности ни к одному из своих многочисленных особняков.

Кто же она такая, эта женщина с внешностью американской кинозвезды пятидесятих? Напористая бизнесвумен без страха и упрека? Бесчувственная железная леди с калькулятором вместо сердца? В какой-то мере, да. И все же шестое чувство подсказывало Бондарю, что он видит перед собой отнюдь не фанатичку, все интересы которой сосредоточены на накоплении первичного, вторичного и третичного капиталов. Более того, в глубине глаз Морталюк проглядывала тщательно скрываемая сексуальная озабоченность. Не всепоглощающая страсть неугомонной нимфоманки. И не зуд похотливой шлюхи. А хищное желание обладать каждым сколько-нибудь примечательным мужчиной, появляющимся в поле зрения Маргариты Марковны. Стремление доминировать. Самоутверждаться за счет побед над представителями сильного пола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.